Пестрота отражений

Автор:
Юлия Жукова

Пестрота отражений

Юлия Жукова

Замуж с осложнениями #5

Планета полна жизни – человеческой и не очень. Но проблемы себе, окружающим и главной героине все создают на равных. Несколько историй о том, как живётся на Муданге при новом режиме и старых заморочках.

Юлия Жукова

Пестрота отражений

1. Лиза

– Пожалуйте, Ахмад-хон, располагайтесь! – трактирщик явно лебезит, и есть с чего. Судя по тому, что рассказал мне Азамат, пока мы шли от моего целительского шатра до этого постоялого двора, у хозяина рыльце в пушку. Наместника-взяточника Азамат уже вывел на чистую воду, а вот тех, кто ему давал на лапу, ещё предстоит определить. К счастью, это уже не наша забота, а Эцагана и его ведомства, а мы можем просто пообедать.

Азамат перелистывает объёмистое меню два раза и тяжело вздыхает.

– А где раздел блюд для хозяев леса? – привычно интересуется он.

– Простите ради богов, Ахмад-хон, а вам-то зачем?

Мы с Киром заунывно стонем. Этот диалог повторяется с завидной точностью всякий раз, как мы заходим в трактир на выезде, в каком бы уголке Муданга тот трактир ни стоял.

– Закон такой есть, – негромким доверительным голосом сообщает муж. – Держите пищевое заведение – обязаны обслуживать всех граждан Муданга в соответствии с их потребностями. А в вашем ассортименте вообще ничего съедобного для хозяев леса нет. Это штраф в размере среднемесячного дохода. Впрочем, я сейчас не буду с вас его брать.

– Ахмад-хон м-милосерден, – блеет трактирщик, сминая нервными руками фартук. – Изволите откушать наших деликатесов? У меня кое-что припасено на особый случай, как знал, что сам Ахмад-хон пожалует…

– Холодный суп и гриль по-хотонхонски, – обрывает его Азамат. – И какого-нибудь сока с водой и льдом принесите кувшин, больше ничего не надо.

– Как будет угодно, – мямлит трактирщик и испаряется.

– Чего ты его со штрафом пощадил? – интересуется Кир, когда мы остаёмся одни.

– Пощадил, – усмехается Азамат. – Пускай сначала налоговую проверку пройдёт, тогда и взыщу. У него этот среднемесячный доход в два раза больше на самом деле, если не в три. Будет приятное вливание в Фонд культурной взаимосвязи.

Я хихикаю в воротник.

– Ты бываешь совершенно ужасен, дорогой.

Азамат довольно улыбается, вальяжно откидываясь на подушки. Впрочем, он тут же снова собирается и принимается зачем-то заползать под столик.

– Ты куда? – изумляемся мы с Киром, придерживая норовящие скатиться со столешницы соусники.

– Да тут клеймо мастера, – объясняет муж, уже наполовину уползший из зоны видимости. – Никак свежее…

Внезапно он одним рывком выскальзывает наружу и кричит трактирщику через весь зал:

– Эй, хозяин! Подойдите, вопрос есть!

Трактирщик спешно подбегает, не выпустив из рук пакет со сладким перцем.

– Скажите, вы этот стол у Рубчего заказывали, так? – интересуется Азамат.

– Так точно, Ахмад-хон. Отличный мастер, и бригада у него как на подбор. Это-то потоковая модель, а вот фонарики у нас резные, видите? Это его собственная ручная работа, полный эксклюзив…

– Знаю я, какой он мастер, – перебивает Азамат. – Вы лучше скажите, где он теперь живёт?

– Да как же, вот, от города к югу артунчик, там дорожка такая лесная, у него там и лесопилка, и мастерская, и живёт там же.

Азамат быстро находит по карте в телефоне предполагаемое место.

– Тут?

– Да, похоже… Да там не заблудитесь, это вот как от лавки пряностей по улице пойти на юг, там и дорожка эта начнётся. Ну знаете, лавка пряностей, розовый такой домик и пахнет там…

Азамат кивает.

– Да, представляю. Спасибо за указания, найду.

– Всегда рад! Вы вот только… Фонарики-то он тому уже несколько лет делал, сейчас не знаю, сможет ли такие же, так если что, мне для Императора ничего не жалко…

– Спасибо, не надо, – снова обрывает его Азамат. – Вы лучше переберите свою зелень, а то что-то у вас сомнительное в этом пакете, лежалая она как будто.

Трактирщик растерянно переводит взгляд на пакет, где верхний перчик сверкает очень выразительным подмокшим боком.

– Ох щас кто-то у меня взбучку получит! – обещает он, наконец сориентировавшись в ситуации. – Вы не волнуйтесь, Ахмад-хон, я бы всё равно всё сам проверил!

– Хорошо-хорошо, идите суп заодно проверьте, – отправляет его Азамат, снова располагаясь поудобнее.

– Чем тебе этот столик так глянулся? – интересуюсь я, когда трактирщик нас покидает. Столик, конечно, симпатичный, но у нас вроде бы нехватки мебели нет, да и слишком на нём много резьбы на мой вкус – только и выковыривать пыль и крошки из всего этого.

– Да не столик, – мотает головой Азамат. – Я этого мастера знаю. Мы в школе вместе учились, только я по звездолётам, а он по мебели. Дорогой был друг для меня. Но потом я наёмничать начал, а он уехал куда-то в глубинку, вот и перестали общаться.

– Хочешь навестить? – понимающе киваю я.

– Да, как обычно, и хочется и колется. Ты же знаешь, как у меня со старыми друзьями… Кое-кто, как я Императором стал, прибежал обратно в друзья проситься, а от этого так и не было весточки. Я уж думал, может, нет его больше… А значит, просто не захотел. Не знаю, может, и не стоит его трогать.

– Ну ага, а потом получится, как с матушкой, – фыркаю я. – Не знаю, мне кажется, лучше уж точно знать, что он общаться не хочет, а не строить тут догадки. Мало ли в чём может быть дело.

Азамат качает головой.

– Кир, а ты что думаешь?

– Я думаю, если ты говоришь, вы не общались долго, то он, может, и не знал ничего. А потом как тебя избрали, ему стало не комильфо подлипальничать, вроде как он не при делах.

Азамат кроит физиономию, как будто забавляется и ужасается одновременно.

– Я тебя понял, но, боги, Кир, ты не можешь как-нибудь выражать свои мысли более общепринятым языком? Хуже Лизы, честное слово!

– Почему хуже? – делано оскорбляется Кир. – Я это «комильфо» от неё же и выучил!

– Ты хоть знаешь, что это значит? – подозрительно щурится Азамат.

– Хороший тон, принятые в обществе правила поведения, устаревшее, – цитирует Кир словарную статью.

Я хихикаю. Кир как-то разок употребил слово «ажиотаж» применительно к похоронам одного известного человека, и с тех пор взял за правило мои словечки проверять и особенности употребления заучивать, а то в другой раз можно и ног не унести.

– Подозреваю, что твоего отца больше смущает «подлипальничать», но ему не комильфо это произносить, – говорю, подмигивая Азамату.

Он только качает головой и прикрывается ладонью.

Тут наконец приносят суп, и мы прерываемся на трапезу. Суп вполне ничего, а вот гриль подкачал. «По-хотонхонски» он потому, что я давала его рецепт в одном интервью, когда странник потребовал, чтобы я назвала «хоть одно вкусное блюдо, в котором преобладает зелень». На самом деле это просто овощи с грибами на гриле, правда, муданжцы обычно не могут изменить своим представлениям о пище настолько и подают их с грилёванной же телятиной или

ягнятиной. Обычно бывает хорошо, но в данном случае мясо суховато, а овощи вовсе безвкусные. Небось лежали в холодильнике целую вечность, ждали потребителя и вот дождались нас.

– Если он надеялся меня задобрить, ему это не удалось, – ворчит Азамат, выковыривая из зубов особо деликатесные части обеда. – Ладно, раз уж тут не повезло, должно повезти с Рубчим. Вы как, всех раскидали на сегодня?

Мы с Киром дружно киваем.

– Ну тогда скатаетесь со мной для моральной поддержки?

***

Дом Рубчего мы находим и правда легко – сверху отлично видно аккуратное жилое строение и кучку хозяйственных, а поодаль амбар лесопилки. Для унгуцев предусмотрена ухоженная посадочная площадка, где уже отдыхает одна машинка. Надо думать, хозяин сейчас дома.

Как только мы выгружаемся из салона, Азамат издаёт негромкий триумфальный звук и устремляется куда-то через кусты и груды горбыля в сторону небольшого хозяйственного здания.

– Вон он, наверное, – кивает Кир на что-то, чего я не вижу, и следует за отцом.

Мне ничего не остаётся, как пойти за ними, впрочем, за кустами и я различаю косматый затылок с проседью, а потом и всего человека. Он поменьше Азамата – и ростом, и в прочих измерениях, – но жилистый и без труда ворочает какие-то брусья. Такими бывают муданжцы, которые усердно работают, но не занимаются ничем соревновательным вроде единоборств или стрельбы из лука.

– Исар! – окликает его Азамат, очевидно, настоящим именем.

Мужик тут же оборачивается.

Мать честная, ничего себе! Даже мы с Киром притормаживаем, а Азамат – тот и вовсе теряет дар речи. Вот это мужику досталось по физиономии: кривой на один глаз, лицо по диагонали рассечено несколькими глубокими бороздами, да и второй глаз подозрительный какой-то, уж не слепой ли.

– Здравствуй, – находится наконец муж, хоть и звучит неуверенно. – Мы вот тут были неподалёку, я подумал завернуть к тебе… Смотрю, хозяйство у тебя тут приличное…

– Да-а, – протягивает Исар , и по его тону понятно, что он не собирается говорить о хозяйстве. – Вот мы и встретились. Я-то о твоих злоключениях наслышан, а ты о моих – навряд ли.

– Я даже не знал, жив ли ты и где тебя искать, – укоряет Азамат слегка окрепшим голосом. – Хоть бы прислал весточку, раз наслышан.

– Да у меня как-то, знаешь, со старыми друзьями отношения не очень. Не хотел тебя в неудобное положение ставить.

Азамат пару секунд переваривает услышанное, а потом в два шага оказывается прямо перед Исаром и обхватывает его за плечи, так что тот теряет равновесие и тычется носом ему в плечо.

После небольшой неуверенной паузы Исар возвращает объятие.

– Так-то лучше, – негромко замечает Азамат, отпуская левую руку, чтобы сделать ею жест в нашу сторону. – А теперь познакомься, мои жена и сын.

После взаимного обмена любезностями Исар немного неловко предлагает нам отобедать, как будто на самом деле он предпочёл бы как-то иначе провести следующие пару часов.

Азамат щурится на него, словно заподозрил неладное.

– Вообще мы только что обедали, так что злоупотреблять твоим гостеприимством не будем. Но мне бы очень хотелось с тобой поболтать. Может, договоримся на другой день?

Исар как-то без энтузиазма пожимает плечами.

– Хорошо, давай… Я, правда, сейчас не могу сказать, когда буду свободен…

– Ну хоть телефонами обменяемся, созвонимся потом, – настаивает Азамат.

Кир бросает на меня скептический взгляд.

– По-моему, он не хочет общаться.

Я киваю.

– Но это странно в его положении.

Тем временем выясняется, что своего телефона Исар не помнит, так что теперь он пытается записать под диктовку Азаматов, но что-то не ладится. То так экран повернёт, то эдак, щурится, тычет не туда…

– Что у тебя со зрением? – обеспокоенно хмурится Азамат.

– Что-что, не видишь, что ли?! – внезапно рявкает Исар. – Одного глаза шесть лет как лишился – медведь порвал, а потом и второй начал… шутки шутить.

– А целитель?

– А что целитель, целитель говорит, через два года вовсе ослепну! Вот, вкалываю, пока могу, а то потом на что жить-то?

Азамат бросает вопросительный взгляд на меня, я киваю в сторону унгуца.

– Так, вот что, дорогой друг, – тоном, не терпящим возражений, сообщает муж. – Брось ты этот телефон и грузись-ка ты в унгуц, пускай тебя нормальные столичные целители посмотрят, пока есть на что смотреть.

Исар ещё некоторое время упирается, приводя доводы, что у него, мол, срочный заказ и наличность вся в дело вложена, но Азамат последнее время в вопросах здоровья – таран похуже меня, ни одни ворота не устоят. В результате минут через пятнадцать Исар с небольшим мешочком сменной одежды грузится к нам.

В унгуце поначалу пытается воцариться тягостное молчание, потому что Рубчий делает вид, что его волокут куда-то силой, а Азамат делает вид, что он строгий и суровый. На самом же деле строгая и суровая тут одна я, и я же беру на себя бразды правления ситуацией, извлёкши через голову Исара из багажника свои сканеры и прочие анализаторы. Мужик пытается вжаться в сиденье и загородиться руками, но Кир его высмеивает:

– Да она током не стрекает, чего вы шарахаетесь.

– Да так, неловко как-то, – бормочет тот, щурясь в зеркало заднего вида в надежде рассмотреть реакцию Азамата на то, что его жена перегибается через чужого мужика.

– Это ж разве неловко, – усмехаюсь я, втягиваясь обратно в салон. – Сейчас будет гораздо неловче, ахха-ха-ха!

И злорадно потираю руки.

– Лизонька, ну что ты меня дискредитируешь перед старым другом, – делано жалобным тоном произносит Азамат, с трудом сдерживая улыбку. – Ещё подумает, что я не способен призвать тебя к порядку.

Тут уже мы с Киром ржём в голос, да и сам Азамат примкнул. Исар настолько теряется, что мне удаётся навести на него сканер и начать измерения, прежде чем он опомнился и уполз по сиденью спиной вперёд.

– Что там, что там? – Кир уже суёт свой любопытный нос в экранчик сканера.

– Смотреть – смотри, но при Азамате не обсуждай, – строго предупреждаю я, – а то он за рулём, и если ему сплохеет, нам всем не поздоровится.

Исар улавливает в моём языковом творчестве тревожные намёки и уточняет:

– Что, прав целитель был, значит?

– Прав-то прав, – киваю я, – но в отличие от него я могу всё исправить. Детальная диагностика займёт дня два, а потом, скорее всего, с полмесяца придётся в Доме Целителей провести, это если оба глаза сразу делать. А если по одному, то месяц.

– Что значит «делать»? – опасливо интересуется Исар.

– Тебе лучше подробностей не знать, – отвечает за меня Азамат. – Лиза тебя вылечит в лучшем виде, за это я тебе ручаюсь. А как именно – меньше знаешь, крепче спишь.

– Ну, – не сдаётся Исар, – а зачем их по одному лечить, хотя бы?

– Чтобы можно было одним пользоваться, пока второй забинтован, – делится сакральным знанием Кир, до которого и самого эта свежая идея дошла относительно недавно, когда Азамат наконец-то собрался свести шрамы на ладонях и выправить пальцы.

– Чего уж там пользоваться, – пожимает плечами Рубчий. – И так не вижу ни шакала, а в вашем этом Доме мне и смотреть не на что. Уж лучше побыстрее расквитаться, хоть до конца месяца успею заказ доделать… если вконец не ослепну от ваших микстур.

– Микстур, – фыркают Кир с Азаматом в один голос.

– Тебе предстоит много узнать о целительстве, мой наивный друг, – добавляет Азамат. – А пока лучше расскажи, как ситуация в твоей профессиональной области? Можем на международный рынок выходить?

– Мы на своего-то покупателя недостаточно производим, – охотно переключается Рубчий. – И рады бы, но ограничивающий фактор – фурнитура, хорошие мебельные петли тут, неподалёку от столицы, делают двое, и один уже на покой собрался, а смены нет…

Весь оставшийся полёт мы выслушиваем стенания о состоянии муданжской металлургии за пределами звездолётостроения, но хотя бы пациент не нервничает.

***

Как я и предсказывала, к операции Исар оказывается пригоден и через несколько дней получает протез с одной стороны и реставрацию с другой. Мы с Киром долго сидели, сличали образцы радужки со старой фотографией пациента, чтобы глаза не отличались по цвету. Кир даже пожалел, что протезируем только один, а то можно было бы такую красивую золотистую радужку поставить, закачаешься…

Меж тем жизнь Дома Целителей течёт своим чередом. С утра я веду семинары у новобранцев и распределяю их на практику по дежурным врачам. Этих ребят мы готовим как первых муданжских врачей, заодно нагружая несложными санитарскими задачами. Группа подобралась неплохая – пятеро неприхотливых пареньков из глубинки, для которых это был почти единственный шанс пробиться на другой уровень жизни, и загадочная девушка откуда-то с востока, которая почти никогда не разговаривает, кроме как по делу, и вообще непонятно, что забыла в образовательной программе, но старается ещё пуще мальчишек.

Проконтролировав, как Арай – та самая девушка – разносит стационарным их дневные лекарства, я отправляюсь проведать давнего пациента.

Уут-хон живёт в предместье столицы и занимается юридической помощью мирному населению, а иногда подтыканием концов в хозяйстве наместников окрестных городишек. Об этом все более-менее знают, а вот о чём мало кто знает, это что Уут-хон со смаком и ироничной смешинкой в глазах рассказывает мне, что именно он помог примаскировать или оправдать, поскольку молчать он никому не обещал. Я же периодически довожу это всё до сведения Азамата, а он, в свою очередь, использует это как дополнительный инструмент управления наместниками, если там не случилось ничего чересчур криминального, и все довольны.

О здоровье своём Уут-хон заботится с великим прилежанием, тем более для муданжца. Он хорошо понимает, что с сердцем шутки плохи, и жизнь намерен прожить долгую и комфортную, а потому раз в месяц по расписанию оплачивает мой выезд, чтобы я лично удостоверилась, что проблем нет и прогноз благоприятный. Другим врачам он не доверяет, а я не против – у Уут-хона прекрасный повар и очень красивое имение, да и в качестве информанта он незаменим.

Сегодня однако Уут-хон встречает меня не в духе. Пока я провожу осмотр, всё вздыхает, качает головой, бормочет что-то, в общем, мыслями не здесь.

– Поделитесь огорчением, – предлагаю. – Вас расстроить – это надо что-то монументальное совершить, мне прям не по себе делается.

– Да я сам себя расстроил, – сетует Уут-хон. – Секретаря уволил своего, ещё в том месяце, болван.

– Кто? – не поняла я.

– Да я, кто же. То есть, он, конечно, тоже не подарок, чудаковатый такой парень, кукушка из уха выглядывает порой, но в некоторых вещах… эхх… В некоторых вещах совершенно незаменим.

– А за что уволили-то?

– Да своевольничает, зараза! – разошёлся Уут-хон, слегка сбивая мне показатели в анализе. – Я ему сказал, чтобы купил мне акции одной конторки тут… А он взял и купил другой, понимаете? И ведь не по ошибке, даже не притворился, а прям вот своим решением взял и сделал. Это вообще как расценивать?!

– Ничего себе, – поддакиваю я. – А чего жалеете тогда?

Уут-хон совсем отчаянно вздыхает.

– Так правильно решил-то. Где я собирался покупать, владелец нечист на руку, да сильно, попадётся со дня на день, это я вам ещё расскажу за чаем. А где он купил, фирма расцвела на глазах, у меня уже прибыль, представляешь? Нюх у

него на такие вещи. А я погорячился. И потом, дела он у меня вёл, я горя не знал: всё вовремя, всё по плану, мне даже думать не надо было. А теперь… За этот месяц уже троих секретарей сменил, сил нет.

– Так наймите его обратно, – пожимаю плечами я, заканчивая осмотр и садясь продлевать рецепты.

– Не могу, – ещё горестнее вздыхает пациент и принимается одеваться. – Во-первых, он сразу уехал, видать, испугался. Я так орал, думал, вас придётся не по плану приглашать. А во-вторых, у меня правило: если я кого-то уволил, то обратно не возьму. Это как с грибами, знаете. Если кто-то его срезал и бросил, значит, были причины. Вот у меня так – раз бросил, значит, всё, подбирать не стану. А такому человеку, как я, принципами поступаться нельзя, это скользкая дорожка… О-хо-хо.

– Как хоть звать этого горемыку? – интересуюсь я больше для поддержания разговора.

– Чача.

Я задумчиво хмыкаю. Про Чачу я слышала и раньше, от других пациентов, особенно кто постарше и занимается законничеством. И если память мне не изменяет, подобная история с этим персонажем тоже не первый раз – по крайней мере с двух предыдущих должностей он вылетел очень похожим образом, вопреки распоряжению работодателя наделав дел. Вот ведь неугомонный… С другой стороны, я не слыхала, чтобы он творил глупости. Своевольничает, да, и говорят, странноватый, зациклен на чистоте и порядке, неприятный. Но явно не дурак.

– А если вдруг кто будет спрашивать, порекомендуете его? – уточняю я у Уут-хона.

– А ка-ак же! – басит тот. – Я бы ему и рекомендательное письмо написал, когда остыл, да он быстро смотал удочки. Небось не первый раз так, а иной человек мог криком не ограничиться. Но знаете что, я напишу сейчас быстренько и вам отдам, вдруг он вам попадётся где, вы же ездите…

Писал он в итоге совсем не быстренько, но меня это вполне устроило – я погуляла по саду, поснимала закат над лесом, съела прекрасный ужин и довела до ума кое-какую бюрократию, сидя в изысканно обставленной гостиной с пейзажными окнами. В итоге я увожу с собой аж три страницы подробнейших рекомендаций, и надо сказать, чтение это захватывающее, из разряда бизнес-юридических триллеров. Этому Чаче, как мне кажется по прочтении, на роду написано вести свою фирму, но скорее всего у него глухое имя (Чача— это ведь прозвище, так на югах называют пастушью бормотуху, грубую и выносящую мозг), а значит, что-то крупнее, чем самому стоять за прилавком единственного магазинчика, ему не светит, в то время как секретарём у такого человека, как Уут-хон, можно зарабатывать весьма неплохо.

Вздохнув о несовершенстве мира, я убираю бук в бардачок унгуца и взмываю над местностью.

Дома меня встречает взбеленённый муж, у которого тоже кто-то наглупил на работе, и в итоге вместо важных дел весь день пришлось заниматься формальщиной и вправлять мозги подчинённым.

– Вот и делегируй этим бестолочам, – резюмирует он, вгрызаясь в печёное рёбрышко. – Всех к шакалам уволить и самому всё делать. Ну неужели нельзя просто немножко подумать? У меня автоответчик на телефоне лучше справляется с задачами, чем целая толпа высокооплачиваемых чиновников. Вот закуплю на Арее роботов, будут знать, как голову не включать на работе!

– Я надеюсь, им этот разнос тоже довелось услышать, а не только мне? – спрашиваю я, подкладывая ему ещё еды. В таком взбаламученном состоянии Азамат метёт всё не глядя, но сам себе не положит, как будто блюда не видит.

– Да я сегодня весь день только разношу, – жалуется он. – Думал, охрипну к вечеру. Ты уж прости, что я работу домой приношу, но сил нет…

– Я-то не против, – ухмыляюсь я. – Хочешь, я завтра к тебе загляну, прокляну там кого-нибудь?

Азамат сразу сдувается.

– Ну Лизонька, это крайняя мера. Да нет, я справлюсь так-то, просто иной раз кажется, вроде всё наладил, система работает, а потом чуть отвлёкся – и опять начинай сначала. Как вот я этих болванов Алэку передам, когда он вырастет? Как я ему в глаза смотреть буду, если не смогу до тех пор отладить процессы?

– Всё ты сможешь, – похлопываю его по руке. – До тех пор у тебя состав правительства сменится два раза, и вообще, я уверена, там всё не так плохо, как тебе сейчас кажется. Ты вот мне лучше скажи, ты не хочешь завтра днём зайти к своему Исару? А то он лежит в палате с одним только радио, всё пытается младший персонал разговорить, а у них на болтовню времени нет.

– У меня тоже, – вздыхает муж. – Но на него я найду. Я с ним ещё тот разговор не закончил, не говоря уж о том, чтобы за жизнь поболтать. Я даже не знаю, как у него с семьёй сложилось…

***

Надо отдать ему должное, Азамат и правда следующие несколько дней по паре часов развлекает своего приятеля, а заодно и меня, и я по такому поводу стараюсь днём не ездить на вызовы, чтобы ухватить немножко его времени в обеденный перерыв.

Однако как-то утром меня выдёргивают ещё затемно на роды с осложнением в городок к югу от столицы. Случай оказывается и правда тяжёлый, работа в поте лица много часов на пару с Янкой, подоспевшей, когда стало ясно, что младенца удастся извлечь живым, короче, упариваюсь в итоге так, будто сама родила в третий раз.

Наконец, когда ничьей жизни уже ничто не угрожает, выхожу на солнышко подышать. Перед таверной – а роженица как раз жена хозяина – собралась толпа зевак, как будто им тут что-то показать обещали. Гонять их у меня нет сил, стоять в толпе тоже неохота, поэтому я сворачиваю в проходик между домами и, продравшись сквозь дикие кусты, оказываюсь в тихом переулке. Ну, вернее, это сначала он мне показался тихим. А стоило чуть пройтись – и вот вам пожалуйста, кого-то бьют.

Честно говоря, на Муданге мне нечасто приходится задумываться о своей безопасности, но сейчас как-то и впрямь захотелось иметь при себе пяток телохранителей. Как раз по числу агрессоров: двое держат, один избивает и ещё двое по бокам страхуют.

Подумав пару секунд, я решаю хотя бы на этот раз проявить себя как сознательная женщина и сдаю назад до самого входа в таверну.

– Эй, есть тут красивые и смелые? – окликаю толпу у входа.

Откликается сразу десяток. Ну что ж, назвался груздем – полезай в кузов.

– Пойдёмте, ваша помощь нужна!

И веду их к месту действия.

При виде драки «смелые» приуныли, но злоумышленники быстро смекнули, что к чему, и дали дёру, оставив свою добычу на дороге, а свои физиономии на камере моего телефона. Вот и посмотрим, на что годится муданжская полиция.

– Ма! Ты куда делась? – раздаётся сзади голос Кира, и через мгновение он присаживается около меня и побитого тела.

Телом оказывается молодой мужик довольно заурядной внешности, длинноволосый и неплохо одетый, хотя одежду ему изрядно порвали и испачкали. Первичный осмотр показывает, что били его в основном в живот и немножко по уху, обычные муданжские методы. При попытке транспортировать он относительно приходит в себя – достаточно, чтобы застонать, но недостаточно, чтобы ответить на вопросы. К счастью, на то, чтобы донести его до таверны, местным смелости хватает.

– А кто он такой? – интересуется Кир.

– Впервые вижу, – хмурится здоровенный детина, местный чемпион по борьбе. – И тех, кто его бил, тоже. Это какие-то приезжие разборки.

– Да он в таверне остановился, – сообщает молодой парень, по виду – работник, небось из той самой таверны. – Я его видел утром. Озирался воровато. Я ещё тогда подумал, не стырил ли он чего. А этих не видел, нет.

– Я думаю, – тихо говорит мне Кир, – лучше его забрать, кем бы он ни был. Его тут и второй раз найдут, а если он в чём-то виноват, в столице полиция толковее.

– Согласна, – киваю я, отправляя фотографии злоумышленников Эцагану. – Тем более, что мамочку с ребёнком Янка уже погрузила, и у нас есть место. Посмотрим только сначала, вдруг у этого сильное внутреннее кровотечение.

К счастью, осмотр при помощи портативного оборудования показывает, что ничего серьёзного пациенту повредить не успели.

– Это не профессионалы били, – с видом знатока резюмирует Кир. – Бестолково молотили, просто абы как. Числом взяли, а драться не умеют. Хотя я бы от таких и от пятерых отбился.

– В тебе я не сомневаюсь, – хмыкаю я. – Но в столицу мы его всё-таки заберём.

Поскольку ничего более осмысленного, чем стоны, пациент так и не издал, мы взяли на себя смелость забрать его вещи из комнаты, которую он оплатил, по словам хозяина, всего на день. Вещей была небольшая багажная сумка, почти не распакованная, только банные принадлежности аккуратно разложены по стеклянной полочке. Симметрично, на равных расстояниях.

Парим это мы в унгуце, обозревая прекрасную погоду, пациент на заднем сиденье под Кировым чутким наблюдением сопит в масочку, я не торопясь огибаю воздушные ямы.

– Ма, – вдруг как-то вопросительно говорит Кир. – Он очнулся.

В следующую секунду происходит нечто неописуемое: я слышу шорох, вопль, несколько глухих ударов, что-то шлёпается мне на затылок, а потом раздаётся протяжный отчаянный стон, переходящий в рёв.

Я осторожно оборачиваюсь. Воет пациент. Маска висит у него на одном ухе, половина приборов разбросана по салону. Кир держит его, крепко обхватив сзади на уровне локтей и вцепившись в запястья крест-накрест.

– Это что сейчас было? – спрашиваю я, снижая скорость до минимума.

– Он попытался выйти в окно, – пыхтит Кир, с некоторым трудом удерживая взрослого и малоадекватного мужчину.

– Зачем вам в окно? – протормаживаю я.

– Выпустите! Меня! Отсюда! – выпаливает пациент, дёргаясь в Кировых объятьях.

– Мы не можем вас вот прямо здесь выпустить, мы висим в воздухе очень высоко над землёй, – объясняю я, как Алэку.

Пациент, кажется, впервые обращает внимание на пейзаж, бледнеет, зеленеет, закатывает глаза и стекает на пол, возобновляя вой.

– Где у тебя шприц с успокоительным? – соображает Кир.

– В кармане сиденья, только бери зелёный, красный нельзя смешивать с тем, что мы ему уже вкололи… А хотя, как ты возьмёшь? Сейчас.

Я останавливаю унгуц, загибаюсь за спинку своего сиденья, извлекаю нужный шприц и немного мстительно вонзаю в пациента. Тот обмякает, замолкает и упирает мутный взгляд в потолок, периодически поскуливая.

– Впервые вижу, чтобы кто-то так боялся высоты, – замечает Кир, восстанавливая капельницу и пульсометр. – Тем более в унгуце.

– М-да уж, – соглашаюсь я и трогаюсь с места.

Когда мы приземляемся на площадке у Дома целителей, Киру приходится вытаскивать пациента из кабины на руках. Тот для муданжца хоть и дрыщеват, но высокий, и в любом случае тяжелее самого Кира, и как назло из санитаров одна Арай, а она аптечку-то не всякую поднять сумеет.

– Может, он сам дойдёт? – с надеждой предполагает Кир, устанавливая мужика на шаткие ноги.

– Сомневаюсь, – кривлюсь я. – Обезболивающее в комплекте с тем успокоительным, что мы ему вкатили, вырубают координацию по крайней мере на пару часов.

– А зачем тогда мы ему вкатили это успокоительное? – поднимает бровь Кир.

– Затем, что у нас с собой их было только два, и от второго у него могли быть проблемы с дыханием, – скучающим голосом объясняю я. – Жду не дождусь, когда ты уже откроешь учебник по…

– Понял, понял! Ладно, щас…

Киру удаётся прислонить пациента к борту унгуца, а потом из этого положения кувырнуть на каталку. Арай наблюдает за процессом с таким ужасом, как будто мы бедного мужика как минимум пытаем. Но я привычная – она всегда всего ужасно пугается, но стискивает зубы и делает, что велено, – одному Уягу, богу тишины, известно, зачем.

– Не-ет, пожалуйста, поставьте меня на землю… – воет внезапно чуть пришедший в себя пациент.

– Вы и так на земле, – сообщаю я. – На кровати с колёсами. И с бортиками, даже падать некуда.

Он тяжело и мучительно вздыхает, но взлетевший было пульс потихоньку устаканивается, однако выть пациент не перестаёт.

– Я смертельно ра-анен, – провозглашает он, когда мы ввозим его в палату. – Я сейчас умру-у-у. Мне нужен духовник, срочно, мне очень нужно поговорить с

духовником… С дух… ком… А то умру… но сказать… важно…

Слова его становятся всё неразборчивей и неразборчивей, и наконец закачанные препараты оказывают своё правильное действие, и пациент засыпает.

– Запишем, – я щёлкаю клавишами, заводя на него карточку в базе, – повышенная сопротивляемость к…

– Лиза, ты заработалась! – восклицает Азамат, которого я даже не заметила в дальнем углу палаты, где восстанавливается после операции Рубчий.

– Да вот, как видишь. Привезла какое-то чучело, а пациентку у меня Янка уволокла.

– Да, я слышал, – кивает Азамат. – Там что-то серьёзное, как я понял. Весь персонал в ту палату угнали, я вот решил тут подзадержаться, чтобы Исара одного не оставлять.

– Ну вот, будет вам компания, – ухмыляюсь я. – Когда это чудо очнётся. Желаю вам, чтобы оно пришло в себя и оказалось более адекватным.

– У меня тут соседей перебывало за полмесяца, – замечает сам Исар, уже привыкший к моей манере общения. – Иной раз не знаешь, куда деваться. Долго мне ещё ошиваться тут?

Я напрягаю память, припоминая результаты последнего осмотра.

– Я же вам вчера всё сказала: завтра утром снимем повязку, пару дней ещё понаблюдаетесь и, если всё хорошо, можно будет ехать домой, только тяжести не поднимать пока.

Исар бормочет что-то насчёт потерянного времени и несовместимых с жизнью рекомендаций, но Азамат покровительственно похлопывает его по руке.

– Ты мне обещал Лизу слушаться.

– Так я слушаюсь, – тяжело вздыхает Исар. – Я ж понимаю, если хороший специалист, то надо делать, как скажут. Просто не знаю, дальше-то что, все сроки сорвал… А ещё и делать ничего нельзя будет.

– Нельзя будет только тяжести поднимать и читать при искусственном освещении, – напоминаю я в энный раз. – Ящики свои строгайте, сколько хотите. Электрорубанком.

Рубчий оставляет мой комментарий без ответа, а вместо этого вздыхает:

– Эх, Байч-Харах, Байч-Харах… Повезло тебе с женой.

– Без сомнения, – улыбается муж. – Правда, я не совсем понимаю, что навело тебя на эту мысль именно сейчас.

– Да так… Делом занята, сама себя развлекает. Не то что моя покойница.

Я бросаю на Азамата вопросительный взгляд, и он кивает: видимо, для него не новость, что Исар вдовец. Вот оно как, значит… Ну, если учесть, как он выглядит, то это чуть ли не к лучшему. Могу себе представить, сколько крови ему бы попортила типичная муданжская жена, вышедшая за него, пока он был красавцем. А судя по его замечанию и по тому, что он Азаматов однокашник, жена у него была самая что ни на есть столичная дама.

– А ты бы долго прожил с женой, которая с рассвета до заката на работе с какими-то чужими людьми общается? – подкалывает его Азамат, видимо, чтобы скрыть неловкость.

– Ой уж с рассвета до заката, – ворчу я.

Муж подмигивает, намекая, что он не всерьёз.

– Ты так спрашиваешь, как будто у меня большой выбор невест, – горько усмехается Рубчий. – Что мне за дело, надо – пускай общается, всё меньше мне бы нервы мотала. Ты же знаешь, я тихий человек, меня не трогай – я буду сидеть в своём углу. Я вот с тебя поражаюсь, ты же так любишь внимание, и чтобы всё было правильно… Как терпишь-то?

– Чтобы всё было правильно? – изумлённо повторяем мы с Киром, воззряясь на Азамата.

– От этого Лиза меня быстро отучила, – смеётся тот. – Примерно за два первых дня. А вниманием, наоборот, балует, особенно когда дети нас не растаскивают на кусочки.

Рубчий что-то отвечает, но в этот момент к нам заглядывает вышедший на дежурство Дэн, чтобы получить сводку по пациентам и отпустить меня на заслуженный отдых до рассвета.

2. Лиза

Не то чтобы я в норме брала утренние дежурства, но Алёнка меня стабильно поднимает в шакалью рань, пока Алэк отвлекает всех трёх нянь каким-нибудь хулиганством. Говорила же, давай подождём, когда ему будет хотя бы пять… И Азамат не то чтобы спорил, просто так невыносимо страдал, хотел дочечку, шантажист клятый. И вот нет бы эта дочечка ему спать не давала по ночам, так нет же, всё внимание мне!

Вот так и выходит, что ещё в предрассветных сумерках на следующий день я уже сижу глушу кофе в ординаторской, когда туда является Арай.

Я сразу понимаю, что что-то не так: девушка бледная, прям синюшная, губы дрожат, глаза на пол-лица.

– Хотон-хон, – начинает она неверным голосом. – Я у… ухожу.

– Куда? – моргаю я, ещё не очень хорошо соображая. – В смысле, тебе сегодня надо отлучиться?

– Нет, совсем… Из программы.

– Так. Присядь-ка и расскажи толком, что случилось, – распоряжаюсь я, изо всех сил сбрасывая сонливость.

– У меня времени мало…

– На поезд опаздываешь?

– На шаттл…

Я бросаю взгляд на часы.

– До шаттла ещё два часа. Рассказывай.

Она нерешительно опускается на краешек дивана и так долго молчит, что я начинаю сомневаться, что она куда-то спешит.

– За мной отец приезжает, – выдавливает наконец.

– И что? – пожимаю плечами. – Он что, не знает, что ты учишься?

Она мотает головой.

– Я сбежала. А теперь он меня нашёл.

Вот тут я просыпаюсь на самом деле.

– В смысле – сбежала? Он что-то тебе сделал?

– Нет, – она пожимает одним плечом. – У него… ну, у него магазин… и дела идут не очень. И есть там в городе один богатей… В общем, отец хочет, чтобы я за него замуж вышла. А я не… не…

Она принимается мотать головой и наконец заливается слезами.

– Так, – снова говорю я. – По муданжским законам принудить к браку невозможно. Учишься ты бесплатно. Живёшь в общаге, так?

– Нет, снимаю, – всхлипывает она. – Украшения продала и…

– А чего ж не в общаге?

– Там нужно указать источник доходов, чтобы зарегистрироваться, и для незамужних женщин – контакты родителей… А это отец…

Я потираю переносицу.

– Ты бы раньше объяснила, придумали бы что-нибудь. Ну, в любом случае, максимум, что он может сделать, это не давать тебе денег. Ты можешь получить дотацию на обучение, она хоть небольшая, но если поселить тебя в общаге, то в принципе можно…

Она снова мотает головой, даже не дослушав.

– Он меня заберёт, ничего слушать не будет. Деньги у меня пока есть, я лучше уеду на Гарнет, там он меня не найдёт.

– В смысле – заберёт? – таращусь я. – Вызовем полицию.

– Полиция меня и сдала! – внезапно повышает голос Арай. – Он им сказал, что я пропала, они меня и нашли. Вчера вечером ко мне полицейский пришёл, говорит, вот, тебя отец ищет, а ты… И, мол, мы ему сказали, что ты здесь, он утром приедет. Утренним поездом.

– Ну хорошо, найти тебя они нашли, но всё равно он не может по закону тебя силком забрать. Полиция обязана тебя защитить, если ты объяснишь им всё чётко.

– Вы не понимаете, он же не оставит меня в покое! – рыдает Арай. – Он меня будет изводить, потихоньку, в мелочах, я всю жизнь буду озираться. Мне только бежать, и там за кого-нибудь замуж выйду, тогда отцу будет нечего с меня взять…

– Ну ты же не будешь выходить замуж за кого попало, лишь бы отмотаться от замужества, навязанного отцом, – пытаюсь урезонить девушку.

– Да мне всё равно за кого, лишь бы… Понимаете, этот его жених, я с ним встречалась уже, он меня посадит под замок на всю жизнь. Мне, вот честно, вообще всё равно, что за мужик, лишь бы ему до меня дела было поменьше. Здесь вот, в Доме целителей, так хорошо – никому дела нет, хочу – работаю, хочу – своими делами занимаюсь, никто нос не суёт. Отец во всё суёт нос, он всё про меня должен знать, и где у меня какое кольцо лежит, и каким кремом я на ночь руки мажу, и почему не тем, что вчера. Это невозможно, понимаете?!

– Понимаю, – соглашаюсь я. – Но я также понимаю, что Гарнет – это опасное место, а у тебя маловато опыта самостоятельной жизни, это во-первых. Во-вторых, ты уже прошла часть образовательной программы, за которую платит государство, и вообще-то в договоре об обучении написано, что ты обязана получить все часы, а потом ещё и, когда закончишь образование, проработать на Муданге десять лет. И твоя подпись стоит. Это не говоря уже о том, что мне не хотелось бы терять самую успешную студентку, к тому же образец для подражания другим девушкам, которые могут захотеть получить профессию. Ну и наконец, если уж тебе так всё равно, за кого выходить замуж, лишь бы не за того хмыря, почему не найти себе кого-то здесь?

– Сейчас уже не успею, – всхлипывает она. – Да и как знать, что он не такой же…

– Слушай, – меня внезапно посещает идея. – Я как раз вчера разговаривала тут с одним пациентом… Помнишь, который глаза лечит? Так вот, он, по-моему, как раз то, что надо. Он тут разглагольствовал, мол, хорошо, когда жена при деле и нервы не треплет. И он, кстати, вполне обеспеченный и живёт не в столице.

– Ну… я же не могу прямо так вот взять и за пять минут замуж выйти… – Арай настолько удивляется, что даже плакать перестаёт.

– А прямо так взять и улететь на Гарнет – можешь? Ты на всеобщем-то говорить умеешь?

– Ну… – тушуется она. – Читать умею. Говорить… не очень.

Я честно изо всех сил стараюсь вообразить себе какой-нибудь вариант будущего этой несчастной, в котором не фигурировал бы космопортовый бордель, но у меня не получается. Конечно, сводничество – это не то, чем я предпочитаю заниматься в свободное время, да и брак, особенно на Муданге, обычно проблемы не решает, а создаёт, но в данном случае я не вижу альтернатив вообще. Полиция-то на Муданге есть и даже неплохо справляется… с единичными, явными правонарушениями. А вот такие вещи, как преследование или эмоциональное насилие – это им пока не по зубам, тут у меня иллюзий нет, и девушка права, что не полагается на их защиту, тем более что рядовым исполнителям ещё придётся долго объяснять, почему дочь надо защищать от собственного отца.

Пока я думаю, зарёванная Арай утыкается в телефон, а потом робко говорит:

– Долхотский через час приходит… Думаете, можно успеть? В смысле, свадьбу?

– Ну, Дом Старейшин уже открылся, осталось жениха спросить.

– А… вы не могли бы?.. Мне как-то неловко…

– Только не сбегай, пока я поговорю. Если не хочешь, так и скажи, придумаем что-то другое. Я, естественно, не буду тебя заставлять.

– Нет, нет, я правда… Я так хочу тут остаться, тут так хорошо… А на Гарнет ехать очень страшно, и потом, я не знаю, отец, может и туда за мной поедет, а я не знаю, как там спрятаться… Если только он нормальный мужик, я хочу сказать, ну, вы поняли…

Я киваю и топаю к Рубчему.

К счастью, он уже проснулся и слушает своё радио, а то это было бы самое невероятное пробуждение в его жизни.

– Исар? – окликаю от двери, чтобы не напугать. Он ведь всё ещё в повязке, как раз сегодня снимать собиралась.

– Доброе утро, Лиза-хон, – он убавляет громкость радио. – У меня всё хорошо, таблетки выпил, ничто не беспокоит.

– Я тебя пришла побеспокоить, – говорю. – Ты случайно жениться не хочешь?

Он пару секунд молчит, потом выключает радио совсем.

– Простите, я ослышался, наверное.

Я с трудом удерживаюсь от смеха – ситуация безумная даже на моём общем фоне.

– Не ослышался. Смотри, тут у девушки чокнутый папаня, ей надо срочно выйти замуж, пока он до столицы не доехал, времени час. Девушка у нас тут работает, ты её знаешь, Арай, с востока она.

– Я её даже не видел, – после паузы произносит Рубчий.

– Да видел, она тебе таблетки носит каждый день.

– Да, но я всё равно её не видел, – поясняет он. – В первый день её не было.

– Ну, – развожу руками, – она ничего, миленькая. Тощая, правда, но это может со временем измениться.

– Да ладно, она же не станет мне детей рожать, а в остальном тощая там, толстая, какая разница. Но ведь есть какой-то подвох? Почему она кроме меня никого не нашла?

– Потому что есть условие: она останется тут учиться и работать, и ты не будешь мешать ей жить такой жизнью.

Он снова надолго задумывается, так что я уже нервничаю, как бы успеть всё провернуть.

– Азамат поэтому меня вчера спрашивал? – говорит он наконец.

– Наоборот, – поясняю я. – Из-за вчерашнего разговора я сразу о тебе подумала.

– Ну… – он замолкает, потом садится на койке прямее. – А, что я раздумываю, как будто у меня есть варианты получше. Конечно, давайте, если Старейшины одобрят… Только – вы говорите, это прямо сейчас надо?

– У нас пятьдесят минут, – подтверждаю я, мысленно скандируя победные лозунги. – Сейчас подгоню кресло, довезём тебя…

– Х-хорошо, – неуверенно соглашается Исар, спуская ноги с койки. Одет он в мягкий спортивный костюм, достаточно приличный, чтобы явиться в Дом Старейшин, так что я только подаю ему кроссовки и выскакиваю проверять, не сбежала ли невеста.

Не сбежала. Сидит, даже слёзы вытерла и расчесалась, а то с утра явно пренебрегла.

– Согласен, – оповещаю я. – Ты ещё не передумала? Точно? Тогда пошли.

В Доме Старейшин я стала прикидывать, не пила ли на днях мангустового вина, что-то уж очень повезло: там были Ажгдийдимидин с Айшей и ещё один малоактивный мирской Старейшина, которого Ажги-хян, скорее всего, позвал ради Айшиной тренировки. Ей зачем-то бывают нужны мирские Старейшины, но что она с ними делает, это не нашего ума дело. Впрочем, возможно, Айша тут совсем ни при чём, а Старейшину духовник пригласил для кое-чего другого.

– Лиза, доброе утро, – приветствует меня духовник и тут же призывает ящики с бормол, демонстрируя блестящий контроль над силой. Небось перед Айшей выделывается.

– А, что? – озирается второй дедок. – А разве свадьбу бронировали?

– Ага, – радостно врёт Айша и, что-то шепнув, тычет пальцем в экран с дневным расписанием. – Вот же.

Там мгновенно появляется запись «Бракосочетание – Исар Рубчий».

Ажги-хян давится, стараясь не засмеяться – смех ему всё ещё даётся с трудом, так, чтобы без последствий.

– Ох ты ж, а я и не заметил, – сокрушается ничего не заподозривший дедок. – Ну ладно, раз так, а чего он в повязке?

Исара мы с Арай с двух сторон держим под локти, но стоит он сам.

– А это чтобы ей не так противно было, – внезапно поясняет сам Исар. – А то страшный очень.

– Ну что ж вы… – укоряет дедок. – Девушка-то вон красивая какая.

– Семья бедная, – подаёт голос Арай.

– Ах вон оно что… – протягивает Старейшина. – Ну тогда надо смотреть, как боги велят. Выбирайте бормол, что у вас там… Духовники-то ваши где? И это… как его… Что-то ещё надо же, забыл…

Ажги-хян удаляется в угол, где принимается бренчать чем-то металлическим в большом сундуке, и в итоге извлекает два хома в виде выдрокошек.

Исар меж тем пытается вслепую на ощупь найти свои бормол, и ему на помощь приходит Айша. Она, как и Ажгдийдимидин, последнее время совершенно невыносима и видит будущее всё равно что в нём живёт. Алтоша хотя бы до такого уровня ещё не прокачался, но он занимается с Айшей плетением гуйхалахов, так что все при деле.

Меня терзают сразу два нервирующих вопроса – во-первых, отчего всё так неформально, что даже меня никто не выгоняет, хотя я и не имею никакого отношения к брачующимся? А во-вторых, что делать, если эти двое не совпадут по бормол, как мы с Азаматом не совпали. Ну, вернее, не совпали в первом слое интерпретаций. Тем паче, бормол у ребят какие-то неутешительные: у Исара ковылина, лошадь и громовая птица. Птицу я знаю, это патриотизм, а лошадь может значить тысячу разных вещей в зависимости от деталей позы, породы и тому подобных недоступных мне мелочей. У Арай птица какая-то перелётная, муравей и что-то змеистое, не разбираю.

– Ишь ты, ишь ты, – шуршит Старейшина, перебирая фигурки. – Почти комплект, смотрите.

Он складывает рядом муравья и лошадь, потом ковыль и кривулину, а вот птиц оставляет в стороне.

– Айша, – зовёт Ажги-хян. – Смотри, истолкуешь?

Айша подходит и приседает рядом, хмурится.

– Это трудолюбие, – говорит она про первую пару. – Ковыль – это покладистость, а река… хм-м… износ?

– Почти, деточка, – умиляется Старейшина. – Река берег точит, себе путь прокладывает. Боевая девушка у нас, хотя чего удивляться, раз Хотон-хон привела. И вот, видишь, – он пододвигает птицу, – свободолюбивая. А он, значит, за родину радеет. Ну тут противоречия нет, а те две пары хорошо сочетаются, даже на удивление. Так-то можно и поженить, я б сказал, беды большой не будет. Что скажете, Ажгдийдимидин? Боги что подсказывают?

– Можно, – кивает Ажги-хян и подаёт Айше хомы.

– Ну тогда, – Старейшина садится поудобнее, – Столичный Совет Старейшин составом, по старшинству…

Вот и всё. Вот так вот, значит, бывает, когда хомы подходящие, хоть и по красоте большая разница. Мне немного обидно, что нам с Азаматом устроили такую нервотрёпку. Нет бы Алтоше меня надоумить, какие бормол выбирать… Но я подозреваю, по поводу Азамата у Старейшин хвосты были накручены знатно, раз уж ради него все восемнадцать собрались. В итоге духовников Ажги-хян уведомляет задним числом, и никаких нареканий это ни у кого не вызывает. Мне хочется прокомментировать ситуацию, но жаловаться грех, потому что вместо часа мы укладываемся в двадцать минут вместе с дорогой от клиники и обратно.

Вернувшись и вздохнув с облегчением, я сверяюсь со списком дел на сегодня и обнаруживаю, что, собственно, первым пунктом стоит снятие повязки и проверка

зрения у Исара. Логично, конечно, было бы сначала снять, потом к Старейшинам ехать, но мало ли, сколько бы мы там просидели, если бы не Ажги-хян…

– Ну давай теперь займёмся твоими глазками, – лучезарно предлагаю я. – Арай, поассистируешь?

Она охотно кивает, а вот Исар противится.

– Не надо ей, там ведь небось страх один.

– А ты думаешь, она тут изо дня в день исключительно на божественную красоту смотрит? – усмехаюсь я. – Зато увидишь её наконец.

Он ещё что-то бормочет, но он и правда неконфликтный мужик.

Процедура сама по себе ненапряжная: повязка спадает легко, вид под ней уже вполне здоровый, разве что кожица розоватая ещё. Капаю ему смазку, чтобы веки полегче открылись. Пожмурились, массажик, и вот, можно наконец сличить радужки. Ну что ж, мы попали довольно точно, во всяком случае, в этом освещении.

Поскольку пациент молчит, решаю удостовериться.

– Правый глаз нормально фокусируется? Ну-ка посмотри на мой палец. Так, а теперь – на Арай. Всё чётко?

– Чётче некуда, – выдыхает ошеломлённый Исар, так и уставившись на новообретённую жену. – Вот это да… Лиза, вы же сказали, миленькая?

– А что, не миленькая? – удивляюсь я. Арай вообще ничего, только очень озабоченная всё время и не очень за собой ухаживает.

– Да она просто невероятная красавица…

Арай в ответ вздрагивает и резко огрызается:

– Я буду учиться и работать, вы обещали!

– Да пожалуйста, – теряется Исар. – Мне-то что. Я только успел обрадоваться, что видеть могу, а оказывается, о том, что вижу, и сказать нельзя?

Арай тушуется, но не сдаётся.

– Просто эти разговоры о красоте, они всегда к одному сводятся.

Рубчий пожимает плечами и переводит взгляд на меня, но от комментариев воздерживается: то ли боится, что я тоже не одобрю комплимента, то ли находит мою внешность слишком необычной, чтобы однозначно оценить.

Как бы там ни было, продолжить этот разговор нам бы не удалось: из приёмной доносится какой-то грохот, а затем раскатистый рык:

– Где вы тут прячете мою дочь?!

Арай втягивает голову в плечи и вжимается в стену. Исар качает головой.

– Н-да, я начинаю понимать, в чём дело.

Я делаю глубокий вдох, мысленно надеваю на себя броню пофигизма и отправляюсь давить авторитетом.

С первого взгляда папаня производит впечатление человека, которому никто не указ. Ростом он примерно с Исара, но намного более в теле, а ещё в трёх пёстрых, шитых золотом дилях, один поверх другого – на востоке так носят, но в более холодном сезоне, как мне казалось. На выдающемся брюшке разложена массивная золотая цепь, а поверх неё – расчёсанная надвое борода. Венчает всё это обилие копна смоляных волос, вероятно, сдобренных каким-то средством для придания объёма. Этим самым средством от него, похоже, и разит, во всяком случае, я не могу себе представить, чтобы духи или одеколон пахли чем-то насколько химическим.

– Соблюдайте, пожалуйста, тишину, – холоднейшим тоном, на какой способна, требую я. – Вы пришли в Дом Целителей, а не в трактир.

– Пошла прочь, девка, – просто и даже спокойно отвечает этот приятный человек. – Я за своим пришёл.

– Вообще-то, вы разговариваете с Хотон-хон, – подаёт голос из-за стойки регистрации дежурный стажёр. Он совсем мальчишка и воинственно настроенного мужика побаивается и небезосновательно, но смолчать не смог. Зато, к счастью, смог нажать на кнопку вызова охраны – она у нас не пасётся в приёмной всё время, а сидит в своей каморке в ожидании вызова, потому что проблемы обычно возникают не на входе, а в смотровых. Охранники выскакивают из каморки и наставляют на пришельца вырубалки, встав чуть впереди и по обе стороны от меня.

К счастью, мужик оказывается способен оценить, на чьей стороне перевес, и меняет подход.

– Ох, ну откуда ж я знал, – басит он. – На вас же не написано… Я, это, дурного ничего не задумал, мне бы только дочь забрать, похитили её у меня и, говорят, тут держат. Это мне в полиции сказали, – добавляет он веско.

– Скажите для начала, кто вы такой и кто ваша дочь, – предлагаю я условно миролюбиво, сделав вид, что простила хамство.

– Меня Медведем кличут, а дочка моя – Веточка, —охотно сообщает мужик.

Вот, значит, как, даже настоящего имени не удостоил. Ну ладно, моего уж тем более не получит, а что Арай – Ветка, это я знаю.

– В таком случае, – говорю, – дочь вашу никто не похищал. Она сама явилась и выразила желание участвовать в государственной образовательной программе. Мы её успешно приняли.

– Ещё чего! – снова расходится Медведь. – Чему вы её тут учить собрались?!

Он, кажется, хочет что-то добавить, но осекается, вспомнив, с кем говорит.

– Как вы думаете, чему могут учить в Доме Целителей? – не удерживаюсь я. – Вероятно, целительскому делу!

– Вот ещё мы всяким уродам болячки не лечили! – фыркает мужик. – Нет уж, это никуда не годится, нечего ей тут делать!

– А это, уважаемый, определяете не вы, – раздаётся сзади от меня голос Рубчего.

Я оборачиваюсь: он стоит, свободно прислонившись к углу стены, где коридор примыкает к приёмной, а за спиной виднеется хрупкая фигурка Арай.

– А кто же?! – гаркает Медведь, разворачиваясь всем телом. – Я вообще-то её отец!

– А я её муж, – спокойно сообщает Рубчий.

Повисает напряжённая пауза, слышно только тяжёлое дыхание Медведя.

– Это с какой же стати? – наконец вопрошает он. – Я на брак согласия не давал!

Рубчий пожимает одним плечом.

– По законам нашей страны взрослой женщине не требуется разрешение родни.

Я сдерживаю смешок. В кои-то веки приятно слышать муданжское пренебрежительное слово хматан применительно к родителю.

Медведь краснеет и принимается пыхтеть громче.

– Ну знаешь, уважаемый, законы законами, а и среди людей обычай имеется. Люди дочерей растят, вкладываются – уж не для того, чтобы потом за так отдать первому встречному, а если у тебя на выкуп не нашлось, так брал бы сироту.

Рубчий качает головой, видимо, поражаясь глубине неприятности этого человека.

– А я что, по-вашему, должен был всё бросить и к вам к Ирлик-хону на задворки ехать выкуп отдавать? Я человек занятой, на лечение-то вот еле нашёл время, у меня, вообще-то, крупная фирма. Вы лучше скажите, у вас банковский счёт есть

или по старинке повезёте монеты в мешочке по большой дороге?

– Есть у меня всё, – нахохливается Медведь. – У меня тоже бизнес немаленький, с кошелём не набегаешься. Могли бы позвонить да спросить, фирма-то и в Сети представлена…

– Ну вот что, господа, свои финансовые дела идите решать в переговорной, – потребовала я.

Арай тут же скользнула к лифту, и Исар переместился вслед за ней, держась так, чтобы Медведь сквозь него её не видел. Тот, впрочем, был больше озабочен самим лифтом – скорее всего, он никогда ничем таким не пользовался и опасался, но и лицо терять не желал. Я только вздохнула с облегчением, когда за ними закрылись двери, а ещё припомнила, как я заказывала кровать нам во дворец. Вот такие же дельцы тогда со мной разговаривали. Бррр.

3. Арай

Лифт был просторный, рассчитанный на каталки с пациентами, но всё же по сравнению с холлом это было маленькое пространство, и расстояние между мужчинами было коротким до дискомфорта. Арай понимала, что Исар её нарочно загораживает собой, и стыдилась того, что стала обузой постороннему хорошему человеку, которому ещё и отплатить за доброту толком не могла. Конечно, она знала, что теоретически женатое положение должно вернуть ему статус серьёзного, преуспевающего и надёжного партнёра, но это была разовая польза, значение которой скоро стёрлось бы и забылось, а чем ещё Арай могла его порадовать, не поступаясь собственной свободой, она не представляла.

Она проводила мужчин в переговорную, где напротив друг друга стояли два дивана, разделённые чайным столиком.

– Ты это, – начал отец с порога. – Сумму надо бы обсудить. А то кто вас знает, во сколько у вас тут принято невест оценивать.

Арай покраснела. Этого вопроса она боялась с самого начала аферы.

– Понятия не имею, – пожал плечами Исар, усаживаясь на диван. – У нас в семьях с певчими именами выкупов не платят, так что назначайте сами.

Медведь скрипнул зубами – имени своего он не называл, но выдал себя тем, что затребовал выкуп. Пройдя ко второму дивану, он присел, подался вперёд, сощурился и назвал сумму:

– Пятьдесят мингей.

Арай ахнула.

– Ты что!

– Цыц, девчонка! – рыкнул Медведь. – Мне за тебя и больше предлагали. Сама подумай, если он даже выкуп не потянет, как он тебя-то будет содержать?

– Моё содержание столько не стоит, – огрызнулась Арай, оставшаяся стоять за спинкой дивана. – Рубчий, вы ему не верьте, он врёт всё, никто ему за меня больше двадцати пяти не давал!

– Это всего или за год жизни? – уточнил Исар, переводя взгляд с отца на дочку и обратно.

Медведь беззвучно открыл рот, но не успел собраться с мыслями.

– Всего, конечно! – выпалила Арай, пунцовая от стыда. – И то много, он на меня больше мингя в год никогда не тратил, наоборот, украшения, что мне дарили, закладывал!

– А что они лежат без дела, – заоправдывался Медведь. – Ценности надо в оборот пускать!

– Ну, открывайте приём, – предложил Исар.

Что значит «открыть приём», Арай не знала, но у отца с этим возникли проблемы. Исар внимательно смотрел на его манипуляции с телефоном, потом стал подсказывать, а там и вовсе диктовать, что и как делать. Отец пыхтел,

хмурился, но слушался. Наконец загадочный приём был открыт, и Исар в два движения перевёл деньги.

Судя по лицу Медведя что-то пошло не так. Он потыкал в телефон, пару раз проверил, то ли у него открыто, что нужно. Потом поднял ошеломлённый взгляд. Арай стояла не дыша, а Исар откинулся на спинку дивана, как будто пришёл смотреть хорошо знакомый спектакль.

– Мне только что, – наконец обрёл дар речи Медведь, – сто мингей пришло. Это от вас?

– От меня, от меня, – кивнул Исар. – Я, конечно, в выкупах не разбираюсь, но меньше ста мингей за такую девушку давать – это себя не уважать, а уж просить… А ещё говорите, большой бизнес. Кстати, я не спросил, что у вас за бизнес-то хоть?

– Дак это… – Медведь не сразу вник в суть вопроса, всё ещё отходя от потрясения: за сто мингей его контору можно было купить полностью. – Магазины у меня… Ручки всякие продаём, петли там…

– Надо же, вот только недавно с Ахмад-хоном о фурнитуре говорили! – заинтересовался Исар. – И что, много филиалов?

– Да вот, у нас, откуда я родом, это от Долхота через Ирлик-хонову реку городок, там головной, а ещё на островах есть, и на Орле вот недавно открыл магазинчик. Я сам-то не кузнец, понимаете, я распространяю, мне самая дорога в большие города. Теперь хочу в Долхоте обосноваться, а если дело выгорит, то можно и в столицу…

– И с глухим именем? – поразился Исар.

Медведь со стуком захлопнул рот, чувствуя, что его развели на откровенность.

– Он на меня фирму зарегистрировал, – подала голос до сих пор молчавшая Арай. – Потому и отпускать боялся, и за своего партнёра выдать хотел, чтобы не делась никуда.

– А почему нет?! – Медведь решил предвосхитить осуждение. – Раз дали боги дочку с певчим именем, так надо пользоваться! Конечно, доступа к финансам у неё нет, да и сделать с фирмой она ничего не может, это всё мне делегировано, но, главное, в документах везде написано, мол, у владельца имя гласное, а приходят работать ко мне, я ж не буду им представляться!

По ходу своего монолога он развеселился и под конец даже хохотнул. Гордость от собственной смекалки в сочетании со внезапной прибылью его немного опьянили.

Рубчий собирался что-то ответить, но тут створки лифта выпустили в коридор прямо напротив переговорной гигантскую фигуру Байч-Хараха.

– А, вот и ты! – улыбнулся Исар, рассматривая давнего друга. Он наконец-то смог разглядеть, как тот теперь выглядит. Не так уж и страшно, не многим хуже, чем на известном портрете работы молодого мастера Бэра. Но комментировать это Исар не стал, по себе зная, что эту тему лучше вовсе не поднимать. – Наслышан уже о том, какое у меня было плодотворное утро?

– Да уж ещё бы, – озадаченно улыбнулся Байч-Харах, заходя и присаживаясь рядом. – Лиза сказала, ты тут знакомишься с новой роднёй?

– Да, как видишь. И представляешь, уважаемый Медведь занимается не чем иным, как мебельной фурнитурой! Вот хочет в столице товары восточных мастеров продавать.

– Да ты что! И как, хорошие товары? – Байч-Харах обернулся и уставился живым, заинтересованным взглядом на новоиспечённого тестя Рубчего. – Мы с Рубчим как раз недавно обсуждали состояние отечественной металлургии. Что скажете, есть надежда?

Медведь, по всей видимости, потерял дар речи окончательно и бесповоротно.

– Извините, – шёпотом напомнила о себе Арай. – Я, может, пойду? А то Хотон-хон ждёт…

4. Исар

Пару часов спустя в переговорную ворвалась мечущая молнии Хотон-хон и потребовала, чтобы пациент вернулся в койку. Исар не стал спорить – с отцом его новоявленной жены, судя по всему, можно было вести дела, но вот для удовольствия Исар бы лучше с кем другим пообщался. У него вообще последние шесть лет к медведям душа не лежала. Байч-Хараху тоже пора было идти, он и так уж полмесяца каждый день выкраивал время, чтобы развлечь друга беседой. Друзей у Исара осталось – пальцев на руке многовато для пересчёта, и внимание так высоко вознёсшегося однокашника даже смущало. Можно подумать, Байч-Харах, сделав такую карьеру, по дороге не разжился хорошими друзьями. Да чего там, сам рассказывал, что разжился.

– Друзей много не бывает, – отрезал Байч-Харах, когда Исар попытался на это намекнуть. – Да и потом, знаешь, как говорят: враг может быть новым, а друг только старым. А старше тебя у меня разве что Алтонгирел, и то он мне скорее младший брат, чем просто друг.

Исар откинулся на подушку и прикрыл глаза. Видели они так чётко, что он с непривычки быстро устал, как будто несколько часов смотрел кино с яркими спецэффектами. Со всеми этими событиями он даже не успел осмыслить, как теперь изменится его жизнь – можно будет вернуться к резьбе, да и работать не только в самые солнечные часы, а как раньше, когда приспичит. И, главное, не пытаться прожить всю жизнь за два года.

– Я даже в зеркало на себя не взглянул, – вспомнил он. Конечно, ничего хорошего он бы в том зеркале не увидел, но с глазами всё же должно выглядеть лучше, чем без глаз.

– Тебе здесь, кстати, и лицо подлатать могут, – заметил Байч-Харах. – Только не сразу, надо подождать, пока от этой операции отойдёшь. Лиза говорит, много сразу нельзя, нагрузка на тело большая.

Исар поморгал, прислушиваясь к ощущению – оба века двигались. Одно при этом побаливало, как потянутая мышца, и это было приятно: напоминало, что оно есть и работает.

– Мне вот недавно руки сделали, – продолжал Байч-Харах, рассматривая свои ладони. Исар присмотрелся. Кожа на руках Императора была розовая, незагорелая – даже на тыльной стороне, где всегда загорает. Пара ногтей казались толще остальных. В остальном руки как руки – сильные, но редко делающие грубую работу. Исар невольно глянул на свои – грубые, с заусенцами. Последнее время ему было не до того, чтобы следить за маникюром. Как бы жену не напугать такими лапищами…

– А ты эту девушку знаешь? – невпопад спросил он.

– Которая выскочила за тебя? – усмехнулся Байч-Харах. – Только от Лизы наслышан. Старательная, говорит, соображает неплохо. Из всего набора самой перспективной оказалась.

– И что, – Исар припомнил подколы друга, – днюет и ночует на работе?

– Этого не знаю. Но Лиза их ого-го как гоняет, у ребят ни минуты свободной нет, только спать и есть успевают.

Исар снова закрыл глаза. Да, он понимал, что его выбрали за непритязательность. И да, ему всегда казались наиболее гармоничными отношения, в которых каждый занят своим делом и не тянет жилы из другого. Но одно дело – абстрактная жена, которой Исар уже не надеялся обзавестись, а совсем другое – эта маленькая, напуганная девчушка с такими тонкими пальчиками, что в них страшно представить что-то тяжелее ковылинки.

– А твоя жена не устаёт от этого? – спросил он, припомнив, что Хотон-хон немногим менее эфемерна, да и руки у неё на вид такие же фарфоровые. Байч-Харах всегда был падок на экзотику.

– Наоборот, подзаряжается, – объясняет Байч-Харах. В голосе его слышна улыбка. – Она тут полноправная властительница судеб, её почитают и слушаются. Уж на что я не любитель официоза, но вот это чувство отлично понимаю – когда хорошо делаешь свою работу и в чужих глазах выглядишь героем. Этому чувству трудно что-то противопоставить. И если твоя Ветка доучится и станет хорошим целителем, она это тоже ощутит.

Исар покивал. Да, конечно, он понимал, что это не взаправдашний брак. Девочке нужна защита от отца-самодура. Максимум она согласится пару раз показаться в компании мужа на какой-нибудь встрече, чтобы партнёры не смотрели совсем уж пренебрежительно. Но в целом всё как он хотел – у неё своя жизнь, недоступные ему интересы, и чем меньше он ей станет мозолить глаза, тем лучше. Ладно, и на том спасибо.

Байч-Харах ещё что-то говорил, но Исар отключился. Как и предупреждала Хотон-хон, привыкание к новому зрению было делом трудоёмким и утомительным.

***

Проснулся он от каких-то неприятных звуков по соседству. Дело было к вечеру, Байч-Харах ушёл, оставив ему на прикроватном столике записку: “Отдыхай и набирайся сил!”. Звук – высокий повторяющийся писк – доносился от кровати слева, на которую пару дней назад положили того парня, что высоты боялся. За это время парень пару раз просыпался, но очень быстро засыпал обратно, как будто отрабатывал годовой недосып.

Сейчас парень лежал с открытыми глазами и, с выражением мучительной боли на лице, смотрел в окно. Надрывался рядом приборчик – Исару объяснили, что это штука, меряющая, как часто бьётся сердце. Судя по писку, сердце у парня готово было выскочить через глотку.

– Эй, – позвал Исар хриплым спросонок голосом. – Тебе плохо?

Парень дёрнулся и обернулся, но тут же снова покосился на окно, как будто за тонированным стеклом бродил его злейший враг.

– Там на стекле пятно, – сообщил парень, как будто это всё объясняло. Исар решил, что он бредит. – А я не могу встать, чтобы его оттереть.

– Правой рукой пошарь по бортику кровати, там есть кнопка, – передал Исар, как его самого наставляли. – Нажми и кто-нибудь придёт.

Парень принялся шарить, но ещё до того, как он нашёл кнопку, дверь распахнулась и влетела Хотон-хон. Исар всё не уставал поражаться, как она быстро двигается. Большинство виденных им женщин плыли, мелко семеня ножками под длинной юбкой, а эта вламывалась строевым шагом, чуть не снося двери, и ходила размашисто, так что узкие штаны под недлинным халатом мало что оставляли для воображения.

– Где болит? – бодро спросила она, наводя на парня какое-то устройство.

– Не болит, – помотал головой он. – Там пятно на стекле. А я не могу встать.

Хотон-хон сузила глаза, оглянулась на злосчастное пятно, потом снова на парня.

– Тебе так мешает это пятно, что от его вида дурно делается?

Парень угрюмо кивнул. Потом подумал и добавил:

– И ручки на окне по-разному повёрнуты.

– Бедный зайчик, – проворковала Хотон-хон, достала из кармана пачку влажных салфеток и пошла ликвидировать пятно. Исар его еле различал – похоже, просто кто-то ладонью опёрся, вот отпечаток и остался. Однако странная земная женщина смыла этот отпечаток со всем тщанием, потом ещё вытерла насухо бумажной салфеткой и повернула обе оконные ручки ровно вниз. – Так лучше?

Парень видимо расслабился и откинул голову на подушку. Прибор стал пищать пореже. Хотон-хон окинула его сочувственным взглядом и поправила какую-то трубку.

– Ты знаешь тех, кто на тебя напал?

Парень тут же снова напрягся, вжался в подушку и заскулил.

– Да не бойся, – заверила Хотон-хон. – Тут ты в безопасности. На тех парней, что тебя избили, напишешь заявление завтра, я пришлю к тебе законника, чтобы помог.

– Я сам могу, – просипел парень, не отпуская краёв матраса, в которые вцепился до побеления костяшек. – Сколько стоит лечение? У меня сейчас нет работы.

– Заплатишь, когда будет. Мы делаем рассрочку, – вздохнула Хотон-хон. Исар помнил, как Байч-Харах сетовал, что государственное страхование здоровья пока не удалось организовать. – Из кармана этих самых парней и заплатишь. Как ты себя чувствуешь? Говоришь, ничего не болит?

Сосед кивнул, но выглядел, как будто не мог пошевелиться от боли.

– Я сейчас позову другого целителя, – продолжила Хотон-хон тем же ласковым, успокаивающим голосом. С Исаром она тоже так говорила – когда объясняла ход лечения. Но вот когда гнала их из переговорной, от этой ласки не осталось и следа, так что Исар больше не обманывался. – Он тебе поможет успокоиться.

Тот нахмурился и проводил её невесёлым взглядом, потом заметил Исара, напрягся ещё сильнее и поспешно отвернулся. Исар тихо скрежетнул зубами: парень на соседней кровати особым красавцем не был, но выглядел ухоженным даже несмотря на болезненность, и уж конечно никаких отметин у него на лице имелось.

– Придётся потерпеть, мне ещё дня два тут обретаться, – не смог смолчать Исар.

Парень зажмурился и помотал головой, снова крепко вцепившись в матрас.

– У вас одеяло сползло, – проговорил он как будто сквозь боль.

Исар с удивлением осмотрел своё одеяло, которое и правда почти наполовину съехало с кровати.

– Что тебе до моего одеяла? – спросил он.

Сосед зажмурился ещё крепче и принялся шёпотом считать до десяти и обратно, и руки его подрагивали от напряжения.

Через пару минут дверь снова открылась и вошёл целитель – седой, но очень моложавый землянин. Он заговорил с парнем вкрадчивым голосом на ломаном

муданжском, потом, когда оказалось, что парень понимает на всеобщем, с облегчением перешёл на него и разложил стоящее в углу кресло на колёсах.

– Давайте я вас прокачу и поболтаем наедине, – предложил целитель. Исар даже не ожидал, что всё ещё помнит всеобщий. – Сделаем пару анализов, тогда и решим, как облегчить ваше состояние. А то куда это годится, так мучиться?

После их ухода Исар снова задремал, а проснулся уже совсем ночью, когда соседа привезли обратно. Он выглядел осоловело-расслабленным и благоговейно нянчил в руках баночку с пилюлями.

5. Лиза

Законника я к пациенту всё-таки пригоню на следующий день – не столько ради помощи, сколько ради проверки. Есть у меня одно подозрение по поводу его личности… Не то чтобы на Муданге все были нормотипиками, но естественный отбор тут непуганый благами цивилизации, да и стоит кому-то показаться странноватым, слухи расползаются в мгновение ока. И мне кажется, я знаю, к какому слуху прислушиваться.

Эцаган уже нашёл тех гопников с фотографии, и заявление пострадавшего ему очень поможет их привлечь к ответственности. Ну а пока законник разговаривает с пациентом, я этого пациента потихоньку щёлкаю, чтобы идентифицировать.

– Ну как он? – спрашиваю между делом нашего нового психиатра. К счастью, несколько месяцев назад штат Дома Целителей пополнился, и теперь я счастливо могу свалить всех скорбных душой на господина Ягелло. Он, конечно, хватается за голову от непаханности муданжского поля, но выкладывается на полную и сдабривает наши рабочие будни характерным профессиональным юморком.

– Декомпенсацию купировали, – довольно отзывается врач. – Сказал, что после побоев его всегда накрывает. Как я понял, это с ним случается нередко, по его собственному выражению, “из-за профессиональных качеств”. Необычная

личность, интересная. Ему бы, конечно, полежать ещё недельку тут, но ему от скуки только хуже сделается. Я его попросил хотя бы работу искать в столице, чтобы иметь возможность регулярно ходить на приёмы. Но он к КПТ отнёсся скептически, не знаю, станет ли… Закрывается чуть что.

Я киваю и проверяю сообщения – да, всё так, как я и думала.

На обед дорогой супруг не является. Это уже давно не норма, и я даже беспокоюсь, не случилось ли чего. Я как-то уже отвыкла без него выдерживать Алёнкину осаду и боюсь, что меня колонизируют, хоть у нас теперь помимо Тирбиша ещё двое нянь. От такой судьбы я сбегаю и заявляюсь в кабинет к дорогому выяснять, кто ему на сей раз по мозгам ездит. И нахожу его там в гордом одиночестве.

– А что, уже обед? – осоловело моргает Азамат и растирает лицо. – Ох, прости, я утратил счёт времени.

– В чём это ты тут завяз? – интересуюсь, заглядывая ему в экран. Там какие-то бесконечные буквы.

– Да тут… – он отмахивается, вставая. – Я был уверен, что прочитал все отчёты ещё первого числа и могу гулять свободно, и тут вдруг нашёл ещё двенадцать штук.

– В смысле “нашёл”? Тебе разве их не приносят на серебряном подносике?

Мы выходим в коридор, и дверь кабинета с тихим жужжанием запирается.

– Ну вот те первые и принесли. А проверить дворцовую почту не почесались. Понимаешь, все же думают, что все умные, и если отчёты предназначаются мне, особенно если там ещё данные конфиденциальные, то никто не будет слать их на общедворцовую почту, – он драматично разводит руками.

– То есть шлют? – качаю головой я. – А ты потом сам их там ищешь?

Азамат раздражённо вздыхает.

– Я начинаю подумывать, что твоё предложение кое-кого тут проклясть – не такое уж чрезмерное.

– Может, эффективней будет поувольнять пару особо выдающихся да заменить на кого посообразительнее?

Азамат фыркает смехом.

– Лизунь, так я уже дважды так делал. Понимаешь, они когда собеседование проходят, голову включают и кажутся умными. А через несколько месяцев расслабляются – и выключают! Я уже думаю, как бы это так организовать собеседование, чтобы на нём кандидат уже сразу был с выключенной головой, я бы хоть посмотрел, что я реально получу в итоге.

У меня есть пара идей – от бутылки хримги до бейсбольной биты, но в этот момент мы доходим до жилой зоны и обнаруживаем за столом помимо детей и нянек ещё и Эцагана с какими-то бумажками.

– А, Лиза, извините, что я без приглашения! – ухмыляется он, спешно проглотив ложку супа. – Свидетельские показания свои подпишете? Тогда завтра бы уже этих красавчиков на Судный день привели.

Азамат тяжело вздыхает.

– У меня на завтрашний Судный день уже и так очередь на двенадцать часов. Что они натворили? Лизунь, я надеюсь, ты свидетель только как целитель?

– Нет, это которые напали на того странного парня, помнишь? – я примащиваюсь на уголке стола, где Алёнкины загребущие ручки не дотянутся до листов. Понятное дело, показания свои я Эцагану отправляла по электронке, а на электронные подписи муданжская полиция пока не перешла, поскольку большинство граждан недостаточно технически подкованы, да и подходящих устройств у многих нет.

– А! – оживляется Кир. – А выяснили, чего они с ним не поделили?

– Да вот, – Эцаган потрясает ещё одной стопкой бумаг, – как раз собирался капитану представить дело, чтобы завтра долго в нём не копаться. В общем, парень этот недавно нанялся к одному купцу секретарём. А тот хотел вложиться в дело этих ребят, они краски делают всякие. Уже сделка была на мази. Ну а секретарь их проверил и хозяину своему говорит, мол, не стоит, у них финансовая история сомнительная. Воруют, проще говоря. Купец ему не поверил, мол, твоё дело кофе подавать да бумажки перекладывать, куда ты лезешь с глухим именем в хозяйские дела? И вышвырнул его. А эти молодчики подкараулили и побили, чтоб неповадно было у хороших людей в грязном белье копаться.

– Хм, – Азамат теребит губу. – Это как же он так их проверил?

– А вот стенограмма его свидетельства, – у Эцагана в руках появляется планшет с текстом. Ну хоть тут электронка.

Азамат просматривает показания пострадавшего, похмыкивая. В норме я, конечно, пресекла бы такое времяпрепровождение за столом, но тут у меня почти шкурный интерес. Так что пока Азамат читает, я просачиваюсь к бюро и добываю три листа, исписанных убористым почерком Уут-хона.

– Ничего себе, – заключает Азамат, дочитав. – И, получается, этот самородок сейчас без работы?

– Агамсь, – подтверждаю, пододвигая мужу листочки. – А вот на него рекомендация.

– А скоро ли вы его выпишете? – интересуется Азамат, вчитавшись и только что не облизываясь.

Я потираю руки. Лежать у нас Чаче осталось не так долго, что по психиатрии, что по травме, работа же в столице ему нужна хотя бы на первое время. А мой муж во всяком случае не станет его бить за причуды.

6. Исар

Времени и так была потеряна уйма, Исару даже пришлось выплатить неустойку паре заказчиков, а потом нанять ещё троих работников, чтобы делали хоть что-нибудь, пока он тут валялся. Конечно, восстановленное зрение стоило того, но тратить лишнего он не собирался. Поэтому даже обед с Байч-Харахом в день выписки завернул, отговорившись срочными делами. Тот и так уделил Исару непростительно много времени от государственных забот, и Рубчий понятия не имел, чем расплатиться за такую щедрость.

Однако про дела он не соврал. Выкуп выкупом, а новообретённой жене он пока кроме статуса ничего не предоставил, и это был непорядок. Жена нашлась в служебном помещении рядом с палатами, где пыталась одновременно причесаться и заварить чай.

– Сходишь со мной пообедать? – предложил Исар, стараясь не думать о том, что этой девушке с таким, как он, и в публичном месте зазорно появляться, не говоря уж о замужестве.

– Я пока не голодная, – промямлила она с перепуганным видом. Немудрено, смотреть-то на него и правда страшно. Сам как-то привык, да и ближайшие подчинённые тоже, а Арай его и не видела до свадьбы, если подумать. Но ему в любом случае нужно было сегодня ещё с ней встретиться.

– А через пару часов?

Она заколебалась, шаря взглядом по полу у него под ногами, как будто искала там люк, в который можно нырнуть и спрятаться. Исар шагнул назад, чтобы поменьше давить на неё своим видом.

– Хорошо, давайте, – наконец согласилась она. – Только недалеко. Обеденный перерыв всего час.

Исар кивнул и пошёл сразу бронировать столик в “Щедром хозяине”, а то в обед можно было и не у дел остаться. Затем он отправился в ювелирную лавку, которую рекомендовал Байч-Харах. Может, после пары подарков девица хоть немножко расслабится в его присутствии…

Не расслабилась. Сидела, сгорбившись, засунув ладони под себя, и буравила взглядом стопку коробок, даже не пытаясь открыть. Как будто в них были распылители с ядом или взрывчатка, а не драгоценности.

– Мне не нужно ничего, – наконец выдавила она, опуская взгляд в тарелку. Исар заказал ей морскую рыбу на гриле, рассудив, что в столице она такое ела нечасто. Но, возможно, она не любила рыбу.

– Не могу же я тебе на свадьбу совсем ничего не подарить, – заметил он, сглатывая комок в горле. Ему и самому кусок в глотку не лез в такой атмосфере.

Она рассеянно покивала, но к коробкам так и не притронулась. Пригнулась, понюхала рыбу и всё-таки отщипнула кусочек.

– Вы… часто в столице бываете?

Она не хочет тебя видеть, подумал Исар с выработанной годами покорностью. Потом честно задумался об ответе. На встречи с клиентами он давно уже посылал помощника, чтобы не спугнуть, но теперь, когда зрение восстановлено, имело смысл почаще бывать на ярмарках, смотреть, кто что делает, чтобы не отстать от моды.

– Теперь, наверное, раз в два-три месяца буду, – прикинул он.

Она снова сжалась, и он понял, что она приняла его “теперь” на свой счёт.

– По работе, – уточнил он дрогнувшим голосом. – Раньше трудно было ездить, ничего не видя.

Арай чуточку расслабилась, не отводя взгляда от блюда. Потом аккуратно ногтями оторвала один сегмент поджаристого, карамельного рыбьего мяса, отправила в рот и жевала так долго, будто это был вяленый балык.

– Я… – заговорила она, дожевав и чуть не подавилась. – Кхм. Я… могу… быть чем-нибудь полезной?

Исар моргнул. Стол ломился от непочатых блюд.

– Ты хочешь уйти?

Она наконец подняла голову достаточно, чтобы взглянуть на него исподлобья.

– Нет, я имею в виду… вообще?

Он удивился ещё сильнее. При том, как тяжело ей давалось его общество, он не ожидал, что она предложит. Он неловко почесал затылок.

– Ну, так, если подумать… Я иногда встречаюсь с заказчиками или поставщиками. Обычно они ко мне приезжают, но, думаю, теперь и в столице буду встречаться. Было бы неплохо, если бы ты могла иногда ходить со мной. Чтобы… – он усмехнулся, – чтобы они на тебя смотрели, а не на меня.

Она часто закивала.

– Да, хорошо, я так ходила с отцом раньше. Не проблема. Только мне выходной надо заранее просить.

– За месяц нормально? – уточнил Исар и, получив быстрое подтверждение, немного успокоился. Что ж, по крайней мере, девица своими обязанностями прямо не пренебрегает. Во всяком случае, в разумных пределах. Может, и есть правда в словах Хотон-хон, что она на этой своей работе на всякое насмотрелась. На задворках сознания жужжала мысль, что такую кралю надо не в Доме Целителей в распыл пускать, а разместить в тереме с пушистыми коврами и расписными стенами, чтобы её там дюжина слуг ублажала ваннами, маслами и сладкими фруктами. Но он помнил, что этот фрукт ему достался только потому, что он обещал ничего такого не делать. Хочет девица спину гнуть и в чужих болячках ковыряться – её право. Может, ещё перебесится с возрастом. Хотя, судя по тому, что говорил Байч-Харах, не перебесится.

– Что-то не по нраву или не радует? – громко спросила подошедшая официантка, и Исар с Арай оба подпрыгнули, тут же в один голос начав заверять, что всё отлично. Остаток обеда прошёл в полном молчании: Арай старательно перепробовала все блюда, а Исар жевал сам не знал что, внимательно следя за её реакцией. Ему не последний раз её кормить, а по опыту женитьбы он знал, что за промахом в выборе угощений следуют месяцы наказания.

7. Лиза

Чачу я ловлю как раз вовремя – за мрачным чтением договора о рассрочке. Он уже собрался и полностью одетый, со всеми вещами, сидит на ресепшене. На столике в зоне ожидания стоит квадратный стакан с пятью ручками. Четыре из них аккуратно прислонены по углам стакана, а вот для пятой своего угла не нашлось. Чача то и дело отрывается от чтения, чтобы переместить пятую ручку от одного бортика стакана к другому, но результат ему всё равно не нравится.

Понаблюдав за ним с минуту, я подхожу и решительно вынимаю ручку.

– Как самочувствие? – спрашиваю я преувеличенно бодро, приземляясь в соседнее кресло.

Черты у Чачи ясные и хорошо сбалансированные, но впечатление портят мимические складки – слишком явные для его возраста и как будто немного не на месте. Вот и сейчас он при виде меня сразу сморщился, как будто съел что-то кислое.

– Было хорошим, пока вот это не начал читать, – он помахивает бумажками.

– Условия невыгодные? – хмурюсь я.

– Да тут половины условий вообще нет, – ворчит он, принимаясь листать. – Вот, например, обстоятельства непреодолимой силы. А где приложение со списком? Мало ли кому что непреодолимо… В обязательствах сторон воды налито больше, чем смысла. Это же документ! Если по нему претензию в суд подать, это будет стычка законников, кто интереснее интерпретирует…

Я чешу в затылке. Договора на лечение у нас составляют законники, я только одобряю. Но я в муданжском канцелярите до сих пор плаваю, а нагружать мужа ещё и этим как-то не хочется. Я начинаю прикидывать, как можно улучшить текст договора так, чтобы Чача побыстрее всё подписал и был свободен, а то у меня тоже время небесконечное, но тут он решительно откладывает документ и отодвигает от себя.

– Нет, я не буду это подписывать, лучше сразу всю сумму оплачу, это только нервы себе трепать весь срок рассрочки.

– А у тебя есть такая возможность? – уточняю. Сумма там не то чтобы неподъёмная, но откуда мне знать, как у Чачи с деньгами.

– Есть, – снова морщится он, – только не знаю, когда новую работу найду, а с пустым кошелём до неизвестно когда жить – это по ночам не спать. Тем более ещё поддерживающую терапию оплачивать…

– Новая работа тебя уже ждёт, – тут же вставляю я. – Уут-хон написал на тебя рекомендательное письмо, и оно очень заинтересовало Ахмад-хона. Так что давай решай свои дела здесь, и я тебя к нему провожу.

Чача раскрывает круглые совиные глаза и принимается нервно поглаживать большими пальцами ногти остальных.

– Это большая ответственность, – неуверенно произносит он.

– Бить не будем, – обещаю я. – Договор можешь сам написать.

– Я и так всегда сам пишу, – фыркает он. – Да только где те договора потом оказываются… За последние два года один Уут-хон мне и выплатил неустойку.

– Ты думаешь, Император тебе неустойки пожалеет? – приподнимаю бровь. – За тем, насколько он соблюдает собственные законы, вся планета следит, знаешь ли.

Чача пару раз дёргано кивает, молча встаёт и отправляется на кассу.

Азамат ждёт нас в кабинете и только что руки не потирает. Он уже с вечера составил список задач и обязанностей, который намерен повесить на нового работника. Даже ночью два раза подрывался, чтобы туда что-то добавить.

Я завожу Чачу внутрь, быстренько представляю мужиков друг другу и намерена уже сделать ноги, пока на меня из уст супруга не сошла лавина государственных дел, но тут я понимаю, что Чача на представление вообще не реагирует, вместо этого уставившись негодующим взглядом на Азаматов стол. Тот самый, инкрустированный.

– А где моё рабочее место? – спрашивает он вместо здрасьте.

Азамат кидает на меня обеспокоенный взгляд.

– Напротив через коридор.

– Мгм, – Чача обхватывает рукой подбородок и перестаёт поджимать плечи к ушам. Склоняет голову набок, потом на другой. Потом переводит пытливый взгляд на Азамата. – А вы не хотите от этого избавиться?

Муж на секунду подвисает, потом напрягает уголки губ, чтобы не разъезжались.

– Я бы пользовался чем-то более практичным, но выбора нет. Старейшины настояли, что у меня в кабинете должен быть хоть один предмет обихода старых Императоров.

В ответ он удостаивается подозрительного прищура.

– Выбор есть всегда.

– Безусловно, – соглашается Азамат. – Но это не очень актуальная проблема.

Чача снова дёргано кивает.

– Хорошо. Я посмотрю своё рабочее место.

С этими словами он разворачивается и двигает на выход.

– Может быть, позже? – предлагает Азамат. – У меня есть кое-что срочное для вас…

– Срочность – это иллюзия, – бросает Чача через плечо и исчезает за дверью.

Азамат переводит недоумевающий взгляд на меня. Я только развожу руками, пожав плечами так, что шею заломило.

– За что купила, за то продаю. Уут-хон очень его хвалил, а он превыше всего ценит порядок в делах. И потом, в Доме Целителей этот кадр вёл себя тише воды, ниже травы. Ну, разве только особого пиетета ни перед кем не проявлял.

– Да уж, вижу, – хмыкает муж, откидываясь на спинку кресла. – Я как-то даже отвык от таких манер.

– Зазнался? – коварно ухмыляюсь я.

– Мгм, – поддерживает мою иронию Азамат. – Золотой коростой покрылся. Ладно, испытательный срок в договоре пропишем, а там посмотрим…

До вечера Чача в кабинете у Азамата не появляется. И мне, и мужу в течение дня несколько раз звонят возмущённые люди из дворцового снабжения и вопрошают, что это за чучело даёт им указания вне очереди, да ещё и в хамском тоне. Мы миролюбиво просим потерпеть, параллельно переписываясь друг с другом смайликами разной степени офигевания.

Поскольку жилья у нашего загадочного нового сотрудника в столице нет, а Азамат предполагал, что он ему понадобится под рукой, решено было разместить его в жилой части дворца на пару этажей ниже нас. Прямо под нами гостевые покои – на случай приглашения каких-нибудь делегаций с других планет, а первые два этажа заняты техническими помещениями и комнатами слуг. Однако вечером к нам является управляющий и объясняет, что новый жилец от комнаты на таком высоком этаже отказался из-за страха высоты, а вместо этого занял аскетичную каморку рядом с бассейнами, заявив, что предпочитает жить поближе к воде.

Азамат всё чаще чешет в затылке, а я всё больше склоняюсь к мысли позвонить Уут-хону и уточнить, нормально ли это.

Но наутро Чача является к Азамату в кабинет, как будто поджидал его появления у двери. В наглаженном строгом диле, аккуратно причёсанный, чисто выбритый и всячески изображающий из себя примерного гражданина. Я сама провожаю мужа на работу, чтобы потом отправиться поболтать с парой чиновников о своих министерских делах – теперь ведь в мои обязанности входит не только целительство, но и его организация. Так что я имею удовольствие лицезреть наше новое приобретение воочию.

– Дайте мне список дел, – требует Чача с порога. Потом думает и добавляет: – Пожалуйста.

Я начинаю подозревать, что у него в роду были хозяева леса.

Азамат, который к чему-то такому уже морально подготовился, протягивает свой список. Я знаю, как мой муж обычно формулирует задачи – даже если только для себя, всё равно дробит на мелкие кусочки и каждый записывает предельно ясно. По его выражению, жалеет завтрашнего себя. Так что Чаче для ознакомления с этим списком вряд ли нужна помощь, но всё же он пробегается по всем пунктам, ставя кое-где пометки, а потом принимается задавать вопросы.

– Вот тут у вас написано, – он стучит пальцем по листу, – фильтровать письма, приходящие на общедворцовую почту. Но я вчера получил доступ к порталу Императорской канцелярии, а на нём в правилах ясно сказано, что письма для Императора следует направлять на его рабочую почту, которую ведёт секретарь, то есть я. Зачем вам общая?

Азамат вздыхает и принимается объяснять про олухов, которые не читают правил. Где-то на середине его монолога Чача кивает, ставит в листе пометку пожирнее и заявляет:

– Понятно. Отчитаюсь после обеда.

Он разворачивается и почти уже выходит, когда как будто вспоминает что-то важное.

– Если это удобно, – добавляет он.

– Удобно, – обалдело отвечает муж, и Чача нас покидает.

– Ну, – медленно заговаривает Азамат, – во всяком случае, он быстро разобрался с порталом. Это уже лучший результат, чем у всех его предшественников.

– А кто ему сказал о существовании портала? Я даже не говорила, на какую должность приглашаю его во дворец.

– Мне вчера звонил управляющий по персоналу, – припоминает муж. – Жаловался, что его бедная голова сильно пострадала в неравной борьбе с новым кадром.

– Ты, помнится, жаловался, что без твоего вмешательства никто решений не принимает? Вот тебе самостоятельный подчинённый.

– Мда, – качает головой Азамат. – Что-то мне хочется ещё два таких списка написать, а то он этот выполнит и мало ли чем ещё займётся…

Вопреки ожиданиям, ничего ужасного Чача пока не сделал, кроме того, что всех напряг. За первые полдня с наскока выполнил две трети списка, подняв на уши решительно весь дворец, а потом немного обороты сбавил и с остатками списка разбирается уже пару дней.

– Это возмутительно! – скандалит глава министерства строительства, потрясая перед Азаматом внушительными лапищами. – У нас и так годовой отчёт на носу, все с ног сбились, а этот не пойми кто ещё дополнительную базу вести требует!

Азамат хмурится.

– Дополнительную? Я вам ещё три месяца назад велел перенести все данные в новую базу, которую специально для вас разработали. Вы об этом?

– Ну да, но… – мужик немного смущается. – За три месяца это нереально, тем более, что количество данных растёт с каждым днём. Только что вот в Имн-Билче инспекция прошла…

– Ну так вы новые данные в новую базу заносите? – уточняю я на всякий случай. Вроде как логично бы так делать, но с этими муданжцами никогда не знаешь.

И судя по тому, как мужик мнётся, я попала не в бровь, а в глаз.

– С новой ещё разобраться надо. Там в каждой карточке полей в два раза больше…

Азамат тяжело вздыхает.

– Да, больше. И содержимое всех этих полей я хочу видеть в годовом отчёте. Если внести все данные в новую базу, этот отчёт сформируется автоматически, вам останется только красивости написать – впрочем, я бы и без них обошёлся.

– Так для старых объектов у нас нет тех данных, которые теперь требуются, – разводит ручищами министр.

– А вы “с ног сбились”, говорите, это вы не данные собираете? – интересуется Азамат, и я чувствую, что кто-то рискует остаться без премии.

– Отчёт пишем, Ахмад-хон!

– Турецкому султану, – бормочу я. Азамат, знакомый с упомянутой картиной, закашливается в кулак.

– Что же вы там такое пишете, чего в базе нет? И зачем, если он формируется автоматически? – ласково вопрошает супруг. – Я напоминаю, что цифровая грамотность была критерием, по которому вы должны были набирать своих специалистов. Теперь давайте ещё раз: чего вы от меня хотите? Больше времени? Больше людей? Уволить половину и новых набрать?

– Да мы только… чтобы демон этот от нас отцепился. А то ему подавай количество изменений, внесённых за день! Кто он такой вообще, чтобы мы ему отчитывались?

– Чача выполняет моё распоряжение, – напоминает Азамат. – Проследить, чтобы годовой отчёт был составлен через новую базу. А если изменений нет, значит,

никто ничего не делал, не так ли?

Министр не находит, что на это ответить, и откланивается.

Всё бы ничего, но он за сегодня такой уже четвёртый. Я только открываю рот, чтобы прокомментировать, как это дорогой супруг так распустил своих подчинённых, когда в дверь скребётся Хос.

Он у нас теперь министр природопользования – решение более политическое, чем осмысленное. Хос, конечно, очень милый, но управлять людьми он не может и не собирается, поэтому при нём есть помощник, который и выполняет работу министра, а Хос значится на этом посту для внушительности.

Хос вползает в кабинет, без спросу проскальзывает мимо стола на диван, залезает на него с ногами и мяукает. Жалобно так.

– Чего страдаешь, малыш? – беспокоится Азамат.

Хос прячет голову под лапами и мяукает ещё раз, как будто для описания всего ужаса его ситуации слов не хватает. Я присаживаюсь почесать его за ухом в надежде, что он успокоится и заговорит, но тут в кабинет стучится Чача.

– Ахмад-хон, министр природопользования отказывается предоставлять информацию, которую вы запросили, – с порога заявляет он.

Хос превращается и прячется под диван.

– Обратись к его заместителю, – миролюбиво предлагает Азамат. – И в дальнейшем по таким вопросам тоже.

– Но это входит в должностные обязанности министра, а он на месте. При чём тут заместитель?

Мы с Азаматом переглядываемся. Чача не понимает, что ли, что Хос – хозяин леса? Обычно ни у кого не вызывает проблем идея его избегать, и уж точно никто не ждёт, что он будет писать отчёты.

– Конкретно в случае министерства природопользования этим занимается заместитель министра, – поясняет Азамат. – Пожалуйста, обратись к нему.

– Это не по правилам, – категорично возражает Чача.

Азамат разводит руками.

– Тебе придётся с этим смириться.

Чача неуверенно кивает, разворачивается, но тут же возвращается, где стоял.

– Но я читал именно должностную инструкцию министра природопользования. Там ясно сказано: в обязанности министра входит…

– Знаю, – перебивает его Азамат. – Но ценность Хоса не в том, чтобы писать отчёты, поэтому ему разрешено этой инструкции не следовать.

Пока они препираются, я тихонько вывожу Хоса в переговорную, а оттуда – на свободу. В кошачьем обличье он обычно распугивает дворцовое население, хотя пора бы уже привыкнуть, но сейчас очередь к Азамату даже не шелохнулась при виде мохнатого министра.

– Вы все на Чачу жаловаться? – спрашиваю, оглядывая ожидающих.

В ответ мне кивают и принимаются подробно сетовать на жизнь. Ох, что-то пока новый секретарь не убавляет Азамату работы, а прибавляет…

Вечером муж, раскидавший поток страждущих, задумчиво ковыряется в салате.

– Может, мне всё-таки позвонить Уут-хону? – предлагаю я. Чувствую же свою ответственность за происходящее.

– Да понимаешь, – Азамат склоняет голову набок, – он в общем-то всё правильно делает. Спрашивает что надо с кого надо. Ну вот с Хосом немного занесло его, но что делать, склад характера такой. Я думаю, мне будет проще переписать эту

инструкцию. В конце концов, Хос, надеюсь, меня переживёт на дворцовой должности, и его надо обезопасить от обвинений, что он не выполняет свои обязанности. А в остальном этот Чача со всех спрашивает именно то, что надо. И даже варианты решений предлагает, как оказалось. Только как-то мне хочется к нему пару телохранителей приставить. А то и пяток…

– Ну и приставь, – пожимаю плечами. – Судя по его послужному списку, лишними не будут. А ты не боишься, что к тебе каждый день повалят паломники, как сегодня?

– Разок-другой придут, поймут, что я не вхожу в их положение, и перестанут, – рассудительно предполагает Азамат. Потом всё-таки берёт телефон и звонит Ирнчину насчёт телохранителей.

8. Лиза

За следующие два дня Чача представляет Азамату законченный список дел. Я при этом не присутствую, но муж делится со мной подробностями за обедом.

– Невозмутимый абсолютно, – поражается он. – Ни намёка на гордость, похвалу слушать не стал. Выложил мне свой собственный список, с какими проблемами он столкнулся в процессе, какие смог решить, а какие требуют моего вмешательства. Я его спросил, не считает ли он проблемой, что его теперь весь дворец ненавидит.

– Не считает? – ухмыляюсь я.

– Вообще не впечатлён, – качает головой Азамат. – Как будто так и надо.

– Ну и как, ты придумал ему ещё две тыщи дел, чтобы он чего-нибудь не наворотил?

– Да нет, – Азамат кривит губы. – Я так больше ничего и не придумал. Но он вроде на рожон не лезет, так, наводит порядок по мелочи. Я видел, он в облачном архиве сделал новую классификацию документов, но даже не вместо,

а в дополнение к существующей. А так сидит себе, почту мою фильтрует. Вроде всё нормально…

После обеда меня вызывают к пациенту, поэтому запланированные на сегодня министерские дела приходится отложить. Сначала думала – до завтра, но освободилась за три минуты до конца рабочего дня канцелярии. Конечно, шанс кого-то застать невелик, но мне всё равно во дворец… В итоге через десять минут после конца рабочего дня я являюсь к ребятам из министерства строительства. В надежде всё-таки урвать чьего-нибудь времени и внести правки в проект больницы в Сирии, а то оттуда в Ахмадхот не навозишься. Я понимаю, конечно, что у людей годовой отчёт, но это же не повод меня динамить, правильно? Проект-то ещё пёс знает когда начали согласовывать.

Захожу к ним в офис и… вижу Чачу. Кадр наш сидит за стандартным дворцовым буком – уж не знаю, своим или местным, ещё вопрос, что Ирнчина больше выбесит, – а вокруг него толпятся несколько сотрудников министерства, таращась в экран через его плечи. По обе стороны от двери застыли телохранители.

– А это – сюда, – наставительно комментирует Чача свои действия. – Понятно теперь, какая разница между первым полем и шестым?

Собравшаяся у него за спиной публика согласно мычит.

Я озадаченно крякаю, и сотрудники наконец обращают на меня внимание.

– А-а, Хотон-хон, – с явным разочарованием протягивает министр. – Вы по поводу Дома Целителей, да? Я тут… немного…

– Да вы идите, мы вам потом расскажем, – заверяет его один из архитекторов.

Чача невозмутимо что-то печатает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/zhukova_yuliya/pestrota-otrazheniy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить